

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Е. Н. КУПРЕЯНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ

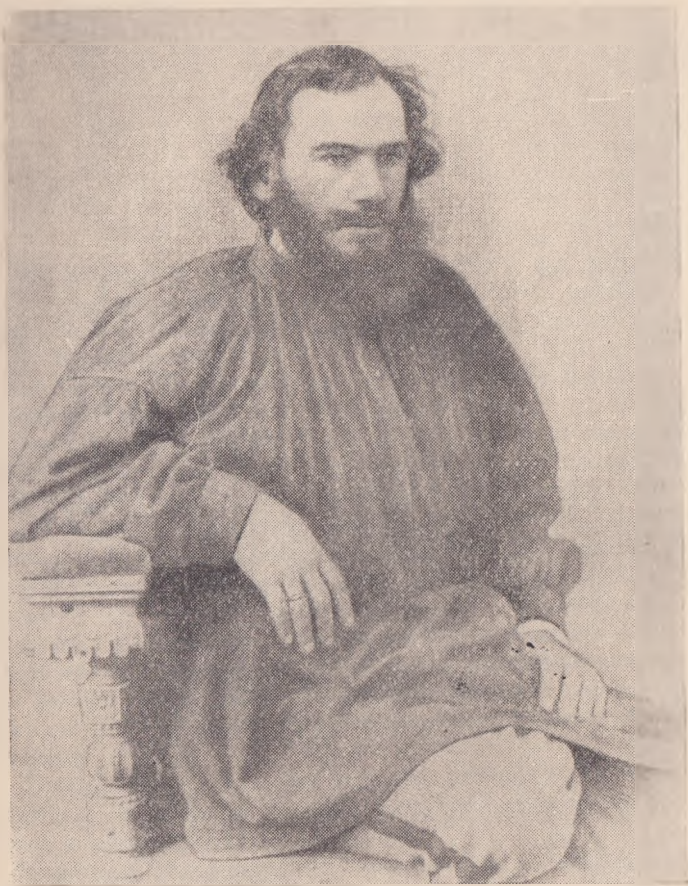
ОЧЕРК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

*Издание второе
исправленное и дополненное*

Тульское книжное издательство
1955

*Музей-усадьба Ясная Поляна Л. Н. Толстого
включает Дом-музей, Литературный музей.
Заповедник и могилу великого писателя.*

*В настоящем путеводителе дается описание
только Литературного музея.*

Л. Н. Толстой. С фотографии 1868 г.

Литературный музей Л. Н. Толстого расположен в каменном двухэтажном флигеле. Это здание построено в начале XIX века, при деде писателя Н. С. Волконском.

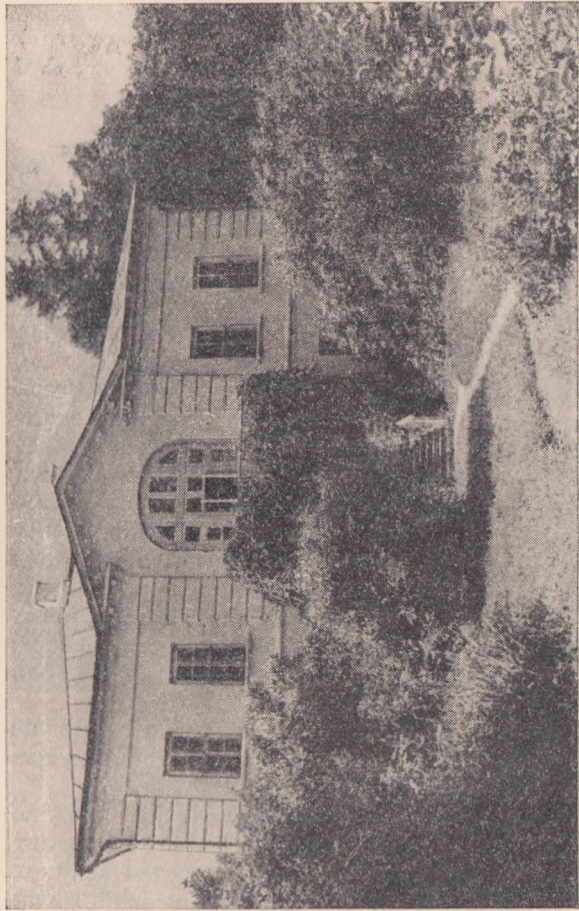
В 1859—1862 гг. во флигеле помещалась школа, открытая Толстым для крестьянских детей.

Экспозиция, развернутая в шести залах Литературного музея, освещает творческий путь писателя.

В экспозиции представлены многочисленные иллюстрации к произведениям Л. Н. Толстого, созданные русскими дореволюционными и советскими художниками, документальные фото, живописные портреты и другие изобразительные, а также и текстовые материалы. Они отражают основные моменты жизни и деятельности писателя, характеризуют его работу над своими произведениями, раскрывают их идейное содержание и художественные особенности.

За последние годы экспозиция значительно пополнилась новыми иллюстрациями советских художников к произведениям Толстого.

Материал расположен в исторической последовательности, что помогает посетителям уяснить органическую и сложную связь творчества великого писателя с современной ему эпохой русской жизни.

Литературный музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

З А Л 1

ВВОДНЫЙ

Значение
творчества
Толстого

В лице Льва Толстого русский народ дал миру одного из величайших художников слова, каких когда-либо знало человечество.

Толстой — слава и гордость русской литературы.

Творчество Толстого составило целую эпоху в художественном развитии человечества и вошло бесценным вкладом в сокровищницу мировой культуры. Оно известно и дорого прогрессивным людям всех стран земного шара.

В произведениях Толстого, в созданных им незабываемых картинах русской жизни запечатлен знаменательный исторический период подготовки первой буржуазно-демократической революции в России. „Рисую эту полосу в исторической жизни России,— говорит В. И. Ленин,— Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придушенных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества“¹.

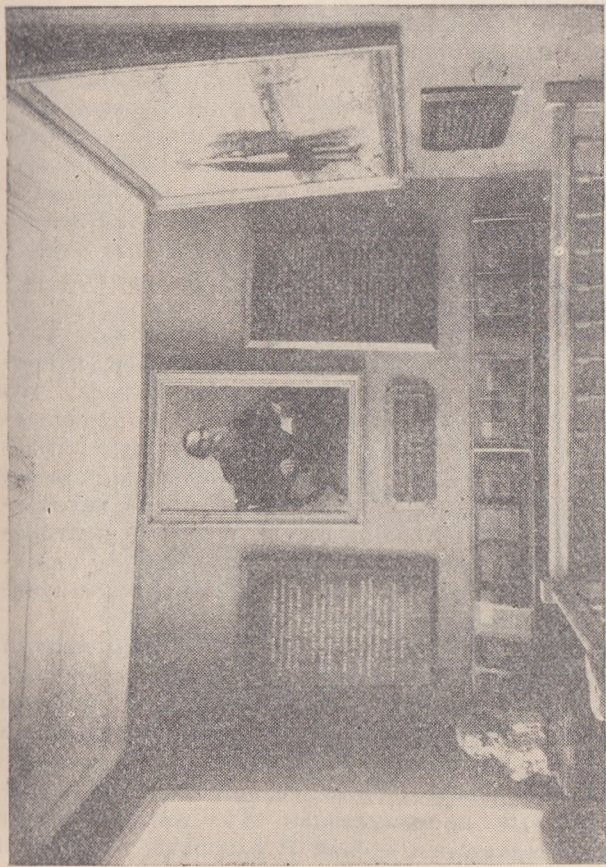
Нараставшее в пореформенные годы освободительное движение народных масс, вылившееся в 1905 году в мощный революционный взрыв,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

ГЛАВ
1911

Вестибюль Литературного музея.

Заглавный стенд. В центре — портрет Л. Н. Толстого
работы И. Е. Репина (1887 г.). Масло (копия Г. Л. Сухотиной).

выдвинуло Россию в авангард мирового революционного движения.

Мировое значение творчества Толстого, его огромное влияние на прогрессивную реалистическую литературу зарубежных стран отражают всемирно-историческое значение первой русской революции. Поставленные Толстым великие вопросы современной ему русской общественной жизни, его беспощадное обличение всех форм эксплуатации и угнетения трудящихся отражали и выражали заветные освободительные стремления угнетенных народных масс, волновали и волнуют до сих пор все прогрессивное человечество.

В глубочайшей народности произведений Толстого заключено их бессмертное величие и непреходящее значение. В. И. Ленин подчеркивал, что „Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов,— он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования“¹.

Но, наряду с революционными стремлениями широких народных и, прежде всего, крестьянских масс, Толстой отразил в своих воззрениях, в своем утопическом религиозно-нравственном учении также и черты патриархальной ограниченности, политической непоследовательности современного ему крестьянства: „В произведениях Толстого,— говорит Ленин,— выразились и сила и слабость, и мощь и

¹ В. И. Ленин, Сочинения т. 16, стр. 293.

Н. И. Толстой.

С работы А. Молиари. Акварель.

ограниченность именно крестьянского массового движения¹.

Толстой был непревзойденным мастером художественного слова. В его произведениях, как и в произведениях других великих русских писателей, раскрываются во всей своей выразительной силе и красоте неисчерпаемые богатства русского национального языка. „...Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч“², — говорил Ленин.

Приведенными высказываниями В. И. Ленина открывается экспозиция Литературного музея. Помещенный на том же стенде живописный портрет Толстого представляет собой копию с работы И. Е. Репина, написанной в Ясной Поляне в 1887 г. (масло). Копия сделана старшей дочерью Толстого Т. Л. Сухотиной. Оригинал находится в Гос. Третьяковской галерее в Москве.

На полотне художника В. А. Скока „Горький и Толстой“ (1950 г.) запечатлена встреча двух великих писателей в Ясной Поляне, которую Горький посетил трижды: в апреле 1889 г., в октябре 1900 г. и в октябре 1902 г. Художник изобразил Горького и Толстого на фоне деревенского пейзажа с одиноким пахарем вдали. Пейзаж этот типичен для старой крестьянской России, которую рисовал Толстой и которая отразилась в его мировоззрении.

Будучи гениальным художником эпохи победоносной пролетарской революции в России, Горький понимал историческую ограниченность многих воззрений Толстого и осуждал его религиозно-нрав-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 294.

² Там же, т. 20, стр. 55.

ственное учение. Но Горький высоко ценил в Толстом изумительного и глубоко правдивого писателя, представляющего славу и гордость русской национальной культуры. Об этом говорят слова Горького, помещенные под полотном В. А. Скока: „Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики... Толстой это целый мир... Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком“¹.

Семья Толстого
(Простенок
сколо окна)

Характеризуя основные вехи и общее направление жизненного и творческого пути Толстого, В. И. Ленин писал: „По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии...“²

На стенде представлены портреты: князя Николая Сергеевича Волконского (масло, копия с работы неизвестного художника начала XIX века), деда Толстого со стороны матери, владельца и строителя Ясной Поляны; отца писателя, графа Николая Ильича Толстого, в молодости участвовавшего в

¹ А. М. Горький, История русской литературы. М., ГИХЛ, 1939, стр. 296.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 301.

войне с Наполеоном, и единственное сохранившееся изображение матери Толстого Марии Николаевны, урожденной княжны Волконской (силуэт, относящийся к детским годам жизни Марии Николаевны).

После женитьбы Н. И. Толстого на Марии Николаевне унаследованная ею от отца Ясная Поляна становится достоянием семьи Толстых.

Толстой потерял мать на втором году жизни, но до конца своих дней чтит ее память. Семейные воспоминания о Николае Сергеевиче и Марии Николаевне Волконских и об их уединенной жизни в Ясной Поляне в начале XIX века отражены Толстым в романе „Война и мир“ в образах старого князя Болконского (в черновиках романа — Волконского) и княжны Марьи. Некоторые черты жизни и характера отца писателя Николая Ильича отражены в романе в образе Николая Ростова.

На групповой фотографии Толстой снят со своими старшими братьями Николаем, Сергеем и Дмитрием. Фотография сделана в 1854 г. Изображение (фото) единственной и младшей сестры Толстого Марии относится к концу 40-х гг.

Под портретами родителей писателя, владельцев Ясной Поляны, помещено схематическое изображение ее прежнего архитектурного ансамбля. В центре мы видим большой, не существующий ныне, дом. Он был построен дедом и отцом писателя и имел 42 комнаты. В этом доме 28 августа (9 сентября нового стиля) 1828 г. родился Толстой и провел в нем детские годы. Слева от большого дома, проданного Толстым в 1854 г., изображен небольшой флигель (ныне Литературный музей), сохранивший свою внешнюю архитектуру без изменений. Справа изображен точно такой же флигель. Впоследствии

к этому флигелю (ныне Дом-музей) были сделаны две пристройки, существенно изменившие его первоначальный вид.

Казанский
период жизни
Толстого (Просте-
ном налево от
двери в VI зал)

Оставшись на девятом году жизни без родителей, Толстой вместе с братьями и сестрой был взят на воспитание одной из своих теток, Александрой Ильиничной Остен-Сакен, жившей в Москве. В 1841 г., после смерти Александры Ильиничны, дети Толстых переезжают в Казань, к другой тетке, Пелагее Ильиничне Юшковой. Ее отец, дед Толстого, разорившийся граф Илья Андреевич Толстой, был в последние годы жизни казанским губернатором. Примерно к этому времени относится и его портрет, представленный в экспозиции (масло, копия с работы неизвестного художника). И. А. Толстой послужил прототипом образа старого графа Ростова в „Войне и мире“.

В витрине выставлены портреты (фото) Пелагеи Ильиничны и ее мужа, казанского помещика В. И. Юшкова. Семья Юшковых принадлежала к „высшему“ дворянскому обществу Казани. Впоследствии оно было описано Толстым в „Юности“ и в рассказе „После бала“. Иллюстрация к этому рассказу „Дворянский бал“ написана худ. Е. Е. Лансере (масло).

Несмотря на светское окружение и воспитание, оказавшее известное влияние на формирование личности Толстого, у него уже в годы юности пробуждается критическое отношение к быту и нравам своей дворянско-помещичьей среды. „Я ясно усмотрел,— говорит Толстой в юношеском дневнике,— что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть не

что иное, как следствие раннего разврата души"¹.

Юношеский дневник явился своего рода первой творческой лабораторией Толстого. В дневнике отражена упорная работа над собой подрастающего писателя, его стремление избавиться от пороков и недостатков, привитых барским воспитанием. Склонность к самоанализу, умение критически относиться к себе выработали в Толстом способность проникать в „тайны психической жизни“ людей. „Кто не изучил человека в самом себе,— писал о Толстом Н. Г. Чернышевский,— никогда не достигнет глубокого знания людей... Мы не ошибемся, сказав, что самонаблюдение должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, приучить его смотреть на людей пронизательным взглядом“².

С 1844 по апрель 1847 года Толстой был студентом сначала философского (отделение восточных языков), а потом юридического факультета Казанского университета. Портрет Толстого-студента (карандаш, копия С. А. Толстой с рисунка неизвестного художника) является самым ранним из всех дошедших до нас изображений писателя.

О настроениях юноши Толстого свидетельствует его студенческая работа над „Наказом“, данным Екатериной II комиссии по уложению законов. Разбирая „Наказ“ по поручению одного из своих профессоров, Толстой раскрывает и осуждает деспотическую сущность законодательного проекта Екатерины и высказывает ряд критических замечаний о крепостничестве. Материалы, отражающие

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 46, стр. 3.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М., ГИХЛ, 1948, т. III, стр. 426.

работу Толстого над „Наказом“, помещены в витрине.

Эксплуататорская сущность крепостнического строя раскрывается словами В. И. Ленина: „Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей“¹.

Воспитываясь в помещичьей семье, юноша Толстой еще был далек от понимания всей жестокости и несправедливости крепостных отношений, но он не был глух к страданиям закрепощенного народа.

Одна из типичных сцен беспробудной жизни крепостного крестьянства изображена на литографированном рисунке худ. Д. Н. Кардовского „Объезд владений“: восседающий на дрожках помещик с жестокой надменностью, внушенной сознанием своей неограниченной власти, наблюдает за тем, как оборванные, изможденные подневольным трудом и лишениями крепостные убирают господское поле.

„Лишь каприз и выгода помещика,— писал А. И. Герцен,—управляют его поведением; его жестокость умеряется только ножом или топором крестьянина... Для угнетенного остаются только два выхода, если он хочет добиться свободы: коса и топор“².

Протест крестьянских масс против крепостного права часто выливался в открытые крестьянские восстания. Этой теме посвящена работа худ. Гольштейн (литография). Крестьянские восстания

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 445.

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке, 1919, т. VII, стр. 367.

носили неорганизованный, разрозненный характер и подавлялись, как это изображено художником, с беспощадной жестокостью при помощи военной силы. Однако они ширились из года в год, наглядно свидетельствуя о глубоком кризисе крепостных отношений, тормозивших прогрессивное развитие страны.

Кризис крепостных отношений имел решающее значение для формирования мировоззрения Толстого, еще на студенческой скамье проникнувшегося сочувствием и уважением к закрепощенному народу. В этом отношении несомненное и плодотворное воздействие оказали на Толстого антикрепостнические произведения лучших русских писателей 40-х годов. „Мертвые души“ Гоголя, „Записки охотника“ Тургенева, „Антон Горемыка“ Григоровича были прочитаны Толстым в юношеские годы и произвели на него неизгладимое впечатление. „Помню умиление и восторг,— писал впоследствии Толстой,— произведенные на меня, шестнадцатилетнего мальчика, не смеявшего верить себе, „Антоном Горемыкой“, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика, нашего кормильца и — хочется сказать — учителя, можно и должно описывать... во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом“¹. В этих словах уже намечается основное направление всей литературной деятельности писателя. Толстой начал ее как прямой преемник и продолжатель славных реалистических и критических традиций Гоголя и лучших, антикрепостнических тенденций писателей его школы.

¹ Л. Н. Толстой, Письма. Под ред. П. А. Сергеенко, 1910, стр. 223.

Ясная Поляна—
место жизни и
творчества
Л. Н. Толстого

Жизнь и творчество Толстого неразрывно связаны с Ясной Поляной. Здесь писатель родился и из 82 лет своей жизни провел в общей сложности около 60. Близкое многолетнее общение с яснополянскими и окрестными крестьянами обогатило писателя глубоким знанием жизни, нужд и чаяний дореволюционной русской деревни. Ясная Поляна с ее крестьянским окружением и усадебным бытом, с ее прекрасной природой получила широкое отражение в несравненных картинах русской жизни, созданных Толстым. „Без своей Ясной Поляны,— писал он в 1858 году,—я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней“¹.

В целом ряде художественных и публицистических произведений Толстого отражен личный опыт его общественной, педагогической и сельскохозяйственной деятельности в Ясной Поляне.

Толстой вступил во владение Ясной Поляной в апреле 1847 года. К этому времени Ясная Поляна, управлявшаяся после смерти отца Толстого опекунами, находилась в полном упадке. Земля была истощена, инвентарь расхищен, а крестьяне доведены до последней степени нищеты. Обеспокоенный их судьбой, Толстой подает заявление об увольнении из университета и в конце апреля 1847 года уезжает из Казани в родовое имение.

На протяжении нескольких последующих лет Толстой с увлечением занимается хозяйством, изобретает и строит сельскохозяйственные машины, пытается облегчить для яснополянских крестьян ярмо

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 5, стр. 262.

барщины, устраивает для них больницу и школу. Однако вся эта деятельность не дает положительных результатов. Разочарованный в своих намерениях и силах, Толстой в апреле 1851 г. уезжает из Ясной Поляны на Кавказ.

В экспозиции представлен план земельных угодий, полученных Толстым по наследству в 1847 г.

На полотне худ. Л. Квачевского (1912 год) изображена въездная яснополянская аллея, до сих пор сохраняющая свое старинное название „Прешпект“. Она описана Толстым в романе „Война и мир“ (въездная аллея в имении Болконских Лысые Горы).

З А Л И

ТОЛСТОЙ В ДОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ (50-е гг.)

Кавказ. Начало
творческой
деятельности
(Стенд направо
от двери)

На небольшой фотографии, снятой с дагерротипа 1851 г., Толстой изображен с своим старшим братом Николаем Николаевичем, бывшим тогда офицером действующей на Кавказе русской армии.

Вскоре по приезде на Кавказ Толстой принял участие в военных действиях сначала добровольцем, а потом фейерверкером одной из артиллерийских бригад. Его часть стояла в казачьей станице Старогладковской, изображенной художником Е. Е. Лансере (акварель).

На Кавказе началась литературная деятельность Л. Н. Толстого. О разнообразии и обилии возникших тогда у него художественных замыслов говорит список произведений, задуманных и частью окончен-

ных на Кавказе. Среди них роман „Четыре эпохи развития“ (трилогия „Детство“, „Отрочество“, „Юность“), военные рассказы — „Набег“, „Рубка леса“ и „Разжалованный“, „Роман русского помещика“, написанные главы которого были опубликованы в печати под заглавием „Утро помещика“, „Кавказская повесть“ (впоследствии повесть „Казачи“) и многие другие.

Кавказские
повиные
рассказы

Наиболее ранними произведениями, отражающими впечатления военной кавказской жизни, были рассказы „Набег“ и „Рубка леса“. Подлинными героями этих рассказов являются русские солдаты, с их деловитой и скромной храбростью, самоотверженной преданностью своему воинскому долгу. „Дух русского солдата, — писал Толстой в „Рубке леса“ (1854 г.), — не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме... Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого.

В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера¹.

Типы русских солдат и сцены из боевой жизни на Кавказе представлены литографиями из кавказских альбомов художников Горшельта и Зичи.

В ранних рассказах Толстого уже намечается

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 3, стр. 70—71.

ведущая тема всего его дореформенного творчества, пронизанного критическим отношением к правящим кругам крепостнического общества, сознанием несправедливости крепостных отношений, глубочайшим сочувствием и уважением к закрепощенному крестьянству.

О глубоком отражении в творчестве Толстого социальных отношений двух основных классов крепостнического общества говорят слова В. И. Ленина: „Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы“¹.

К числу таких произведений относятся уже первые крупные произведения Толстого — трилогия „Детство“, „Отрочество“, „Юность“ (1851 — 1856 гг.) и „Утро помещика“ (1852 — 1856 гг.).

„Детство“,
„Отрочество“,
„Юность“

Замысел трилогии „Детство“, „Отрочество“, „Юность“ возник у Толстого из желания проследить ход собственного „морального развития“, развития „человека умного, чувствительного, но заблудившегося“. С необыкновенной психологической глубиной и верностью рисует писатель в автобиографическом образе героя трилогии Николеньки Иртеньева сложный процесс формирования человеческой личности, то влияние, которое оказывает на ребенка и юношу окружающая его общественная среда.

В экспозиции представлены иллюстрации к трилогии художника К. Г. Кашеева (акварель, 1954).

На иллюстрациях „Утро Иртеньевых“, „Охота“,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 301.

„Николенька и Наталья Савишна“ отражены некоторые эпизоды безмятежного детства Николеньки, протекавшего в обстановке патриархальной дворянской усадьбы. Окруженный любовью родителей, заботами и вниманием старого добряка-учителя Карла Ивановича, крепостной экономки Натальи Савишны и других крепостных слуг, Николенька с детской наивностью и непосредственностью наслаждается жизнью на лоне деревенской природы. Весь мир кажется ему преисполненным радости и счастья. В отроческие годы Николенька начинает замечать темные стороны окружающей его жизни и сам подвергается ее развращающему влиянию. „Интерес „Отрочества“,—указывал Толстой,—должен состоять в постепенном развращении мальчика после детства и потом в исправлении его перед юностью“¹. В городском аристократическом доме бабушки (см. илл. „Именины бабушки“) Николеньку поражает лицемерие светских нравов и отношений.

Иллюстрация „Поездка на долги“ отображает путешествие детей Иртеньевых из усадьбы в Москву. Во время этой поездки у Николеньки происходит озадачивший его разговор с дочерью гувернантки Катенькой. Необеспеченное будущее Катеньки открывает Николеньке глаза на социальное неравенство окружающей его жизни. Слова Катеньки: „Вы богаты — мы бедны“,—показались Николеньке „необыкновенно странны“. „Случалось ли вам, читатель,—говорится далее,—в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется...? Такого рода моральная перемена

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 46, стр. 286.

произошла во мне в первый раз, во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества¹.

Барское окружение и воспитание во многом отрицательно влияют на Николеньку (см. илл. „Приятели Володи“). Вот почему, как это и изображено на одной из иллюстраций худ. К. Г. Кашеева, Николенька-студент с такой надменностью относится к товарищу своих детских лет, разночинцу Илиньке Грапу и его престарелому отцу.

В годы юности Николенька начинает понимать аморальность светских идеалов, внушенных ему барским воспитанием и выраженных понятием *comme il faut*. Их сущность раскрывается Толстым до конца в следующих строках „Юности“, помещенных в экспозиции под иллюстрациями к последней части трилогии: „Уже несколько раз в продолжение этого рассказа я намекал на понятие, соответствующее этому французскому заглавию, и теперь чувствую необходимость посвятить целую главу этому понятию, которое в моей жизни было одним из самых пагубных, ложных понятий, привитых мне воспитанием и обществом...

Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut* есть самостоятельное положение в обществе, что человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он *comme il faut*; что, достигнув этого положения, он уже исполняет свое назначение и даже становится выше большей части людей².

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 2, стр. 15.

² Там же, стр. 172, 174.

В противоположность критическому изображению барского окружения Николеньки Иртеньева, Толстой с большим уважением и сочувствием рисует в трилогии простых людей: крепостную экономку Наталью Савишну, прототипом которой послужила крепостная экономка Волконских-Толстых Праксovia Исаевна; учителя-бедняка Карла Ивановича, но многом напоминающего домашнего учителя самого Толстого и его братьев Федора Ивановича Росселя; горничных Машу и Дашу, студентов-разночинцев. Образы последних навеяны впечатлениями студенческих лет жизни Толстого.

Толстой впервые выступил в печати, опубликовав повесть „Детство“. Она произвела на читателей большое впечатление, поразив их зрелостью художественного мастерства. Первым человеком, оценившим талант Толстого, был Некрасов, опубликовавший повесть в „Современнике“ в 1852 г. „Я прочел вашу рукопись,— писал он Толстому, ознакомившись с „Детством“.— Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю... Направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемое достоинство этого произведения“¹. Отзыв Некрасова, первая печатная публикация „Детства“, а также фото с рукописей трилогии помещены в витрине.

Одновременно с трилогией Толстой работал над „Романом русского помещика“. Это произведение являлось как бы продолжением трилогии, а его главный герой князь Нехлюдов — дальнейшим развитием образа Николеньки Иртеньева.

¹ Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л., 1930, т. V, стр. 167.

Л. Н. Толстой. С дагерротипа 1849 г.

Начатый в 1852 году „Роман“ остался незаконченным. Несколько написанных глав его были опубликованы Толстым в 1856 г. в виде повести „Утро помещика“. В повести отражен опыт личного общения писателя с яснополянскими крестьянами в конце 40-х гг.

Облик Толстого этого времени хорошо передан на портрете 1849 г. (фото с дагерротипа).

Под видом Хабаровки и ее нищих крестьян Толстой описал в „Утре помещика“ Ясную Поляну конца 40-х годов и своих крепостных крестьян, сохранив даже их настоящие имена. В черновиках сохранил он и название Николо-Кочаковской церкви (акварель худ. Ю. Д. Коровина), расположенной в двух километрах от Ясной Поляны.

На акварели худ. Ю. Д. Коровина изображена сцена у церкви, взятая из главы „Романа русского помещика“, не вошедшей в „Утро помещика“. В этой сцене резко вскрывается социальное неравенство при крепостном строе. Толпа крестьян почтительно расступилась перед помещичьей четой, надменно сходящей с паперти. Услужливый лакей нагло и грубо расчищает путь своим господам. Робко жмутся друг к другу бесправные крестьяне. Нехлюдов в стороне разговаривает с раскормленным, жирным мужиком. Это Шкалик — один из первых в русской литературе образов кулака, нарождающегося хищника новой капиталистической формации. Нехлюдов не в состоянии защитить своих крестьян от алчности и насилий этого кулака.

Нехлюдов пытается облегчить для своих крестьян тяжесть крепостной зависимости, но оказывается бессильным помочь им. Неудача, постигшая Нехлюдова, — это неудача, пережитая в молодости самим Толстым.

Как и Толстого, Нехлюдова настойчиво тянет из его барского дома в мужицкую избу. Вот он заходит во двор бедняка Ивана Чуриса (акварель худ. Ф. П. Глебова). Навес двора завалился, стены и крыша избенки перекошились и грозят обрушиться. Из всех углов и щелей этого мрачного ветхого жилища глядит нищета. Крепостная жизнь настолько придавила Чурисенка, что он уже ни о чем другом и не мечтает, как лишь бы умереть в своей ветхой избенке, где прошла вся его трудовая жизнь, где начали и окончили свой трудовой век его отцы и деды. С недоумением и недоверием смотрит он на молодого барина, предлагающего ему переселиться в новую каменную избу. Не верит мужик добрым намерениям барина и спешит поскорее отделаться от него.

Нехлюдов идет к Давыдке Белому. Он видит одутловатого, ленивого, опустившегося мужика (акварель худ. Ю. Д. Коровина). Тяжелые условия крепостной жизни внушили Давыдке отвращение к труду. Зачем трудиться, когда все равно, кроме горя и нищеты, ничего не увидишь? От этой мысли Давыдка опускается все ниже и ниже. И Нехлюдов понимает, что помочь ему ничем нельзя, что Давыдка даже не понимает, чего, собственно, хочет от него барин.

Неудача постигает Нехлюдова и при посещении им зажиточного мужика Дутлова (акварель худ. Ф. П. Глебова). С завистью смотрит Нехлюдов на слаженный трудовой быт большой семьи Дутлова. Нехлюдов сам хочет войти в этот быт и предлагает Дутлову на паях заняться хозяйственными операциями. Но и Дутлов не верит барину и стремится отделаться от него. Так безуспешно ходит Нехлю-

дов из избы в избу и с горечью убеждается в невозможности сделаться благодетелем своих крестьян, оставаясь их эксплуататором.

„Утро помещика“ наносило серьезный удар по либеральным разглагольствованиям о возможности и благотворности „отеческой“ опеки помещика над крепостным крестьянином. Основная идея этого произведения раскрывается словами Толстого, помещенными в экспозицию „Утра помещика“ в качестве ведущего текста: „Главная мысль романа должна быть невозможность жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством. Все нищеты его должны быть выставлены и средства исправить укланы“¹.

Действенных „средств“ к устранению крепостнического зла Толстой в „Утре помещика“ не показывал. Но описание Хабаровки убедительно раскрыло беспросветность жизни крепостной деревни и мизерность перед лицом ее бедствий благотворительных мероприятий „добрых“ помещиков. Самое важное то, что Толстой, значительно глубже, чем его предшественники, сумел проникнуть в психологию крепостного крестьянина, взглянув на жизнь крепостной деревни глазами самого крестьянина. Эта отличительная черта всего творчества Толстого имела уже в ранних его произведениях. Она подчеркнута в экспозиции словами Н. Г. Чернышевского, взятыми из его отзыва об „Утре помещика“ (1867 г.): „...граф Толстой с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта помещика, но, что гораздо важнее, их взгляд на вещи. Он умеет переселяться в душу помещика,—

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 47, стр. 58.

его мужик чрезвычайно верен своей натуре¹.

Сохранившиеся рукописи трилогии и „Утра помещика“ свидетельствуют о тщательности работы Толстого над этими ранними произведениями, каждое из которых имеет по несколько черновых редакций. „Надо навсегда отбросить мысль писать без поправок. 3, 4 раза — это еще мало“, — отмечает Толстой в дневнике в пору работы над „Отрочеством“ (8 октября 1852 г.). Простотой и общедоступностью языка художественного произведения писатель измерял продуманность его содержания, ясность выраженных в нем мыслей: „Пробный камень ясного понимания предмета, — отмечает Толстой в дневниках того же времени, — состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку“.

В работе над языком своих произведений Толстой неизменно стремился приблизиться к выразительности, меткости и точности народной речи, видя в ней безошибочный „поэтический регулятор“.

Толстой —
лицитник
Севастополя.
„Севастопольские
рассказы“
(Центральный
стенд)

В 1853 г. началась война России с Турцией и ее союзниками — Англией и Францией, получившая в истории название Крымской войны. Несмотря на огромные жертвы, понесенные народом в этой войне, она закончилась полным военным поражением царизма. Тем самым „Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России“² и способствовала активизации в стране антикрепостнической борьбы и революционно-демо-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М., ГИХЛ, 1948, т. IV, стр. 682.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 95.

кратической мысли. „Веревки, которыми мы были связаны по рукам и по ногам,—писал об этом А. И. Герцен,—ослабли, перетерлись во время войны... Осадой Севастополя началось освобождение крепостей, призыв к оружию был призывом к мысли...“¹

Героическая оборона Севастополя, осажденного с сентября 1854 г. по август 1855 г. англо-французскими интервентами, явилась решающим эпизодом Крымской войны. Именно в обороне Севастополя в наибольшей мере обнаружилась гнилость всего крепостнического строя, с одной стороны, и несокрушимая сила народного патриотизма, с другой. Несмотря на невыносимо тяжелые условия обороны, русские войска, находившиеся в Севастополе, в течение 11 месяцев сдерживали натиск превосходящих сил врага и увенчали себя неувядаемой славой. „Да, мужественные защитники родных укреплений... ваши имена не остались неизвестными, они внесены в летописи той осады, которая, благодаря вашей беспредельной храбрости, вынудила у самих врагов признания о доблестях русского воина“²,—так оценил военно-патриотический подвиг русского народа в обороне Севастополя вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский.

В экспозиции представлены различные изображения осажденного Севастополя, его оборонительных укреплений и героических защитников. Наибольший интерес представляют литографии из альбома участника севастопольской обороны Н. Берга, портреты

¹ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке, 1919, т. X, стр. 3.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М. 1949, т. II, стр. 582.

руководителей и героев обороны адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова (акварель, работы худ. С. Берестюка), литографии 50-х годов „Старый солдат“ и „Морской ополченец 1854 г.“, а также редкое фото панорамы обороны Севастополя (работы худ. Ф. А. Рубо), установленной в Севастополе в 1904 году.

В первые месяцы войны Толстой находился в рядах войск, сражавшихся с Турцией.

В экспозиции помещена общая оценка Крымской войны, данная Толстым в одной из его дневниковых записей этого времени: „Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы“¹.

В ноябре 1854 года Толстой перевелся в осажденный Севастополь по собственному желанию, „из чувства патриотизма“, как он писал об этом. Портрет Толстого 1854 года (фото) занимает в экспозиции центральное место. Под портретом выставлены медали „За защиту Севастополя“ и „За участие в Крымской войне“. Толстой имел обе эти военные награды.

Впечатления Севастопольской обороны отражены Толстым в его „Севастопольских рассказах“. Это замечательный художественный памятник патриотизму и воинской доблести русского народа, проявленным в Крымской войне. Основная мысль

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юз. изд., т. 47, стр. 27.

Л. Н. Толстой. С фотографии 1854 г.

„Севастопольских рассказов“ выражена словами Толстого, взятыми из первого рассказа „Севастополь в декабре 1854 года“: „Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский“¹.

Рассказ „Севастополь в декабре 1854 года“ был создан Толстым на знаменитом 4-м бастионе, подвергавшемся больше других яростным атакам врага и бомбардировкам. Мужество его защитников, описанное Толстым, выразительно изображено на иллюстрации художника М. П. Клячко „4-й бастион“ (акварель 1950 г.): окутанные пороховым дымом укрепления, изрытая ядрами земля, простреленные брустверы и фашины говорят о героическом сопротивлении осажденного города. Но ярче всего свидетельствуют об этом фигуры русских солдат и матросов, ведущих по врагу огонь из пушки. Могучие, словно вылитые из бронзы тела, спокойные и четкие движения, лица выражают несокрушимую волю к победе, презрение к опасности и смерти. Именно такими изображены рядовые участники, многочисленные герои Севастопольской обороны в рассказах Толстого.

Большую ценность представляют собой помещенные тут же документальные фотографии русских солдат, вывезенные Толстым из Крыма.

Воспев самоотверженный патриотизм солдатской массы, Толстой в своих рассказах в то же время обнажил антипатриотическое, антинародное лицо высшего аристократического офицерства. Этой теме посвящена иллюстрация худ. М. П. Клячко к рассказу „Севастополь в мае 1855 года“ (акварель,

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., юб. изд., т. 4, стр. 16.

„Севзстополь в декабре 1854 года“. 4-й бастион.
Иллюстрация М. П. Клячко. Акварель.

1950 г.). Погруженный во тьму, осажденный город осветился неровным светом пролетевшего раскаленного ядра. На укреплениях идет жаркая схватка с врагом. Раненные в бою солдаты, опираясь на ружья и поддерживая друг друга, тянутся в госпиталь. Князь Гальцин и поручик Непшитшетский, вышедшие полюбоваться светящимся от пуль, бомб и ядер небом, останавливают старого солдата. За спиной у него два ружья: свое и отбитое на поле боя у врага. Офицеры, уклонившиеся от участия в бою, называют раненого солдата трусом, грубыми окриками понуждают его вернуться в строй. Седой герой стоит навтыжку перед оскорбляющими его карьеристами.

В этой и ряде других сцен Толстым наглядно раскрывается гнилость крепостного строя, разложение правящей верхушки, угнетенное положение, в котором находился обездоленный крепостными порядками подлинный защитник отечества — русский народ.

Оскорбленная поражением национальная гордость народа, его готовность продолжать борьбу с интервентами, несмотря на капитуляцию царизма, обрисованы Толстым в заключительных строках последнего рассказа — „Севастополь в августе 1855 года“. Эти строки также проиллюстрированы худ. М. П. Клячко (акварель, 1950 г.). По приказу командования и вопреки своей воле армия покидает политые народной кровью укрепления. По мосту через бухту, с Южной стороны на Северную, тянутся сомкнутыми колоннами войска. Сошедший с моста раненый солдат, гневно сжимая кулак вытянутой руки, с горечью смотрит на оставленный город. Тут же текст Толстого: „Почти каждый солдат, взглянув с Северной

„Севастополь в августе 1855 года“. Переход войск
на Северную сторону.

Иллюстрация М. И. Клячко. Акварель.

стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам¹.

В „Севастопольских рассказах“ дано одно из первых в русской и мировой литературе глубоко правдивое, реалистическое изображение войны.

Сорвав с войны маску ложной романтической красоты и показного удалства, Толстой изобразил войну „не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а... в настоящем ее выражении — в крови, в страдании, в смерти“².

Обнажив глубокую пропасть, отделяющую самоотверженный патриотизм закрепощенных народных масс от тщеславия, корысти и карьеризма одетых в офицерские мундиры хозяев крепостной жизни, Толстой сказал суровую, обличительную правду о современном ему строе. „Герой же моей повести,— писал он в заключительных строках рассказа „Севастополь в мае“,— которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен,— правда“³.

Этому благородному девизу художника-реалиста Толстой оставался верен до конца своей творческой деятельности.

Народная, патриотическая сущность „Севастопольских рассказов“, их обличительное содержание привлекли к ним широчайшее внимание передовых слоев русского общества, заставили признать в их

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., юб. изд., т. 4, стр. 119.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 59.

Толмачевского артиллерийского
Гарнизона

БОМБАРДИР
ЕЛАСЕЙ
БОЖАН

Железнодорожного
Взвода

ВЛАДИМИР
МИХАИЛ
АВРАМОВИЧ

ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ

Железнодорожного Егерского Полка

МАТВЕЙ
ЩЕВЕЛЕВ

РЯДОВЫЕ

ИВАН
ПАВЛОВИЧ

Русские солдаты—героические защитники Севастополя.
Фотографии, вывезенные Толмачевым из Севастополя.

молодом авторе прямого и талантливейшего преемника Н. В. Гоголя. Н. А. Некрасов, прочитав „Севастополь в мае“, писал Л. Н. Толстому: „Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда,— правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе... Эта правда в том виде, в каком вносите вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое“¹.

Своеобразие творчества Толстого, его новаторство в изображении внутреннего мира человека было вскрыто Н. Г. Чернышевским на материале трилогии и „Севастопольских рассказов“. „Глубокое знание тайных движений психической жизни,— утверждает Чернышевский,— и непосредственная чистота нравственного чувства, придающие теперь особенную физиономию произведениям графа Толстого, останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни выказались в нем при дальнейшем его развитии“ (1856 г.)².

В дни героической обороны Севастополя от фашистских захватчиков, в период Великой Отечественной войны, „Севастопольские рассказы“ с волнением читались и перечитывались советскими людьми, укрепляли их волю к победе. В витрине помещен портрет комсомолки Нины Ониловой, пулеметчицы Чапаевской дивизии. Нина Онилова пала в бою за Севастополь 8 марта 1942 г. В ее

¹ Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л., 1930, т. V, стр. 220.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., СПб., 1906, т. II, стр. 645.

полевой сумке находился томик „Севастопольских рассказов“ Толстого. Нина Онилова не расставалась с ним даже в боях и сделала в нем много пометок. Вот одна из них: „Не надо думать о смерти. Надо понять, зачем мы жертвуем жизнью. Если для красоты подвига и славы, это очень плохо. Только тот подвиг красив, который совершается во имя народа и Родины“¹. Советская девушка правильно и глубоко поняла то, что показал в своих рассказах Толстой. Она, как и миллионы других наших людей, впитала в себя славные патриотические традиции народных героев, воспетых Толстым, ею двигали замечательные национальные традиции, великая сила советского патриотизма.

Самоотверженная оборона Севастополя от фашистских захватчиков — это одно из самых героических событий Великой Отечественной войны. „Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда, — говорил И. В. Сталин, — показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать. По этим героям равняется вся наша Красная Армия“².

Толстой
в „Современнике“
(Левый и средний
простенки между
окнами)

В центре среднего простенка находится портрет Н. Г. Чернышевского (масло, работы худ. Г. А. Расина по фотографии 1853 г.). Роль Чернышевского в истории русского освободительного движения и в общественно-политиче-

¹ „Красный флот“, 8 марта, 1947 г.

² И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, изд. 5-е, стр. 80.

ской борьбе 50-х — начала 60-х гг. охарактеризована словами Ленина:

„...Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей“¹.

Ближайшими соратниками и единомышленниками Н. Г. Чернышевского были Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков Щедрин.

О великом значении революционной демократии в развитии русского освободительного движения говорят нам слова В. И. Ленина: *„...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература“*...²

Литературным органом революционной демократии становится в середине 50-х годов журнал „Современник“, издававшийся с 1847 года Н. А. Некрасовым. Вокруг „Современника“ группировались лучшие литературные силы, выросшие под идейным воздействием Белинского. В этом журнале по 1856 г.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 97.

² Там же, т. 5, стр. 342.

включительно печатались и все произведения Толстого.

Л. Н. Толстой вошел в круг „Современника“ только в конце 1855 г., когда после падения Севастополя приехал в Петербург с военным донесением. Большой интерес представляет собой помещенная в экспозиции документальная фотография. На ней изображен Толстой в военной форме среди сотрудников журнала — И. С. Тургенева, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича и А. В. Дружинина.

В 1856 г. идейным руководителем „Современника“ стал Н. Г. Чернышевский. Давние сотрудники журнала, литераторы либерального направления — А. В. Дружинин, В. П. Боткин, П. В. Анненков всеми силами пытались противодействовать влиянию Чернышевского. Проповедуя реакционную теорию „чистого“, т. е. аполитичного, искусства, „искусства для искусства“, они стремились отвлечь литературу от задач общественного служения, от освободительной борьбы с самодержавием и крепостничеством. Классовая сущность либерализма раскрывается словами В. И. Ленина: „Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков“¹.

Вместе со своими ближайшими соратниками — Добролюбовым и Некрасовым — вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский боролся за интересы закрепощенного народа, за отмену вместе с крепостным правом помещичьей собственности на

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96.

землю, за свержение всех старых властей, за демократические свободы. Он требовал от литературы служения этим высоким задачам: „Только те направления литературы,— писал он,— достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи“. Таким направлением было в то время обличительное направление, ведущее свое начало от Гоголя и выступившее в 40-х годах под знаменем выпестованной Белинским „натуральной“ школы. Оставаясь верным заветам Белинского, борясь с реакционной теорией „чистого искусства“, Н. А. Некрасов писал: „Нет науки для науки, нет искусства для искусства,— все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни“¹.

В условиях напряженной борьбы между революционными демократами и либералами обнаружилась глубокая противоречивость мировоззрения Толстого. Правдиво рисуя бедственное положение крестьянства в условиях крепостной действительности, писатель, однако, разошелся с демократами, звавшими к политической борьбе с самодержавием и крепостничеством. Он не верил в действенность революционной борьбы, и в этом проявилась ограниченность его мысли.

Разойдясь с демократами, Толстой ненадолго сблизился с группировкой либерала Дружинина и испытал на себе некоторое влияние пропагандируемой им реакционной теории „искусства для искусства“.

Но в действительности у великого писателя-реа-

¹ Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л., 1930, т. III, стр. 437.

листа, страстно искавшего путей к благу народа, не было и не могло быть идейной близости с эстетствующими либералами. Толстой был убежден, что „никакая художественная струя не увольняет от участия в общественной жизни“ (Дневник, 14 окт. 1856 г.)¹. Даже в пору своей личной дружбы со сторонниками „чистого искусства“ он продолжал создавать произведения, обличающие господствующие классы как крепостнического, так и буржуазного общества („Люцерн“), разоблачающие фальшь и лицемерие либеральной идеологии, проникнутые сочувствием к трудящимся массам. О наступившем очень скоро охлаждении Толстого к дружининской группировке свидетельствуют его слова, высказанные в письме к С. Н. Толстому от 2 января 1857 года: „...хотя я душевно люблю этих литературных друзей: Боткина, Анненкова и Дружинина, но все умные разговоры уже становятся скучны мне“². Под „умными“ разговорами Толстой разумел высокопарную либеральную болтовню своих „литературных друзей“, лицемерно прикрывавшую их равнодушие к бедственному положению закрепощенного народа.

Педагогическая
деятельность
Толстого
(Стенд направо
от окна)

Стремление Толстого к практически полезной народу деятельности привело его в конце 50-х гг. к мысли посвятить себя делу народного образования. „Главное — сильно, явно пришло мне в голову завести у себя школу в деревне для всего околотка и целая деятельность в этом роде“³, — пишет он в дневнике 23 июля 1857 г.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 47, стр. 95.

² Там же, т. 60, стр. 147.

³ Там же, т. 47, стр. 146.

Дать безграмотному народу образование, приобщить его к культуре Толстой считал делом первостепенной общественной важности.

Толстой со всей остротой поставил в своих педагогических работах вопрос об эксплуататорской сущности дворянской и буржуазной культуры, недоступной массам, создаваемой за счет их труда и обслуживающей ничтожное привилегированное меньшинство. С этой точки зрения Толстой подверг резкой критике и современную ему культуру, и свою собственную творческую деятельность. „Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их,—скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость“,—писал он либералу Б. Чичерину 1 марта 1860 г.¹

В ноябре 1859 года во флигеле, занятом в настоящее время Литературным музеем, Толстой открыл школу для крестьянских детей Ясной Поляны и окрестных деревень. Классы помещались во втором этаже, в комнатах с большими венецианскими окнами (ныне залы III и VI).

В центре стенда — слова Толстого, свидетельствующие о глубокой вере писателя в неиссякаемые творческие силы народных масс, скованные крепостническими порядками: „Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных.. Ломоносовых, а они кишат в каждой школе“².

Ниже — портреты (акварель) яснополянских кре-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 60, стр. 327.

² Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой, СПб, изд. О-ва Толстовского музея, 1911, т. I, стр. 258.

стьян — Тараса Фоканова и Василия Морозова. В детстве они учились в школе Толстого. Образ Морозова, одаренного, любознательного и вдумчивого крестьянского мальчика запечатлен Толстым в статье „Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят“ (1862 г.).

О патриотическом характере педагогических исканий Толстого, его резко отрицательном отношении к правительственным планам и проектам народного образования свидетельствуют слова писателя, приведенные под портретами его любимых учеников: „...насущнейшая потребность русского народа есть народное образование. Образования этого нет... Чтобы народное образование пошло, нужно, чтобы оно было передано в руки общества... До сих пор общество это составляю я один... Позволят или нет, а я хоть один, а все буду составлять тайное общество народного образования“¹.

Яснополянская школа была задумана Толстым как своеобразная лаборатория, на опытах которой он стремился ставить и разрешать коренные вопросы народного образования в России.

Толстой сам составлял учебные программы, занимался с ребятами по своей методике и заставлял следовать ей приглашенных учителей. Портреты (фото) двух учителей помещены на левом простенке. „...Учитель в элементарной школе,— говорил Толстой,— должен быть из сословия людей самых образованных в России, т. е. кончивший курс в университете...“ („Проект устава учебных заведений“, 1860 г.)²

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 60, стр. 329, 330, 331.

² Там же, т. 8, стр. 388.

Толстой занимался со своими учениками не только по утрам, но и по вечерам. Художник С. М. Хинский изобразил вечерний урок в Яснополянской школе (масло, 1954 г.). Обращает на себя внимание непринужденность поз и поведения учеников. Но все они внимательно слушают Толстого, устремив на него серьезный, заинтересованный взгляд. Художник верно передал своеобразие обстановки учебных занятий Толстого, принимавших часто, особенно в вечерние часы, характер живой и непринужденной беседы.

В основу своей педагогической деятельности Толстой положил принцип полной свободы дела народного образования от воздействия и насилия господствующих классов. Подобное насилие над народными массами в деле образования Толстой наблюдал в так называемых народных школах буржуазной Европы, которую он посетил дважды — в 1857 и 1860 — 61 гг. (см. следующий стенд). Толстой дал резко отрицательную оценку европейским школам. Он обвинял буржуазную школу в том, что она является орудием одурения и отупления, а не просвещения масс. „... Я мог бы, — говорил он, — написать целые книги о том невежестве, которое видал в школах Франции, Швейцарии и Германии“¹. Толстого возмущало, что детей трудящихся учат не тому, что пригодилось бы им в жизни, а тому, что должно было превратить их в тупых и покорных слуг господствующих классов. Толстой подверг беспощадной критике современную ему систему народного образования в странах буржуазной Европы, в первую очередь палочную дисциплину и мушт-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 8, стр. 18.

ру, заглушавшие в детях природную любознательность, убивавшие в них самостоятельность мысли и личности. В своем дневнике он пишет: „Был в школе. Ужасно. Молитвы за короля, побои, все наизусть, испуганные, изуродованные дети“ (16—17 июня 1860 г., гор. Киссинген)¹.

Сказанное Толстым о буржуазной школе наглядно иллюстрируется работой худ. М. В. Иноземцевой „Урок в английской школе“ (акварель). Учитель стоит на кафедре с хлыстом в руке. Как приговоренные, в жалких, униженных позах дрожат перед ним ученики. Их изможденные лица не выражают ничего, кроме тупого страха.

Свободное и всестороннее развитие ребенка, наглядность и занимательность обучения, неразрывная связь теории с практикой и чуткое, внимательное отношение учителя к ученикам — таковы основные положения Толстого, вошедшие в золотой фонд русской классической педагогики.

Сохранилось одно из наглядных пособий, широко применявшихся Толстым в процессе преподавания. Это большие оригинальной конструкции счеты. Они помещены в нижней части стенда.

Тут же находится карта окрестностей Ясной Поляны с обозначением деревень, в которых Толстой основал школы в 1861—1862 гг. С картой смонтирован текст: „Существенное для меня сделано. В моем участке на 9000 душ в нынешнюю осень возникли 21 школа...“ Так писал Толстой 26 января 1862 г. В. П. Боткину².

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 8, стр. 493.

² Там же, т. 60, стр. 415.

В витрине помещен том педагогического журнала „Ясная Поляна“, издававшегося Толстым в 1862—1863 гг. В этом журнале Толстой развивал свои педагогические взгляды, широко освещал занятия в Яснополянской школе. „На мне не лежало,— писал Толстой,— ни исторических школьных уз Европы, ни религиозных и философских авторитетов своего отечества.. я бессознательно и свободно должен был идти и пошел своим особенным путем, руководствуясь одним изучением потребности тех учеников, с которыми я имел дело“¹. В этих словах ярко выражен экспериментальный, творческий характер педагогической деятельности Толстого. Но Л. Толстой отрицал необходимость идейно-политического, революционного просвещения масс. Эта сторона педагогических взглядов Толстого была подвергнута резкой критике Н. Г. Чернышевским.

Противоречия Толстого, его отдельные ошибки и заблуждения ни в какой мере не снимают, однако, его значения в развитии русской педагогики. Об этом говорят нам слова Н. К. Крупской: „Для Толстого педагогика не была мертвой, застывшей доктриной. Для него она была живым делом, сложным и развивающимся... Допустим, что Толстой неправильно решал тот или другой вопрос, но он ставил его не как узкий специалист, а как гражданин земли родной... Его влияние несомненно наложило свою неизгладимую печать на русскую педагогическую мысль“².

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 8, стр. 403.

² Н. Крупская, Вопросы народного образования. Москва — Петроград, 1918, стр. 223.

Л. Н. Толстой. С фотографии 1861 г., снятой в Брюсселе.

Тот широкий размах, который приобрела педагогическая деятельность Толстого в Ясной Поляне и ее округе, обеспокоил царское правительство. 6 июля 1862 г. в усадьбе был учинен тщательный обыск.

В 1863 г. Толстой оставил педагогическую деятельность, но в 70-х годах он снова увлекся ею. К этому времени относится работа Толстого по составлению учебников „Арифметики“ и „Азбуки“ для начальной школы. „Азбуку“ Толстой был склонен считать в то время самым важным делом своей жизни и напряженно работал над ней на протяжении ряда лет.

Заграничные
путешествия.
„Люцери“ (Стенд
направо от двери,
ведущей в следу-
ющий зал)

В 1857 и в 1860—61 гг. Толстой путешествовал по Европе. Маршруты этих путешествий нанесены на карту. Желтая линия — это маршрут 1857 г.

Он проходит через Германию, Швейцарию, Бельгию, Францию и север Италии. Красная линия — маршрут 1860—1861 гг., помимо этих стран, захватывает Англию и углубляется к югу Италии.

Заграничные путешествия Толстого неразрывно связаны с его педагогической деятельностью.

Первое знакомство Толстого с буржуазной Европой, противоречия буржуазной цивилизации и классовое насилие над массами в деле их образования и натолкнули его на мысль о необходимости искать других путей для народного образования в России.

Цель второй поездки за границу (1860—61 гг.) Толстой формулировал так: „... моя главная цель в путешествии та, чтобы никто не смел мне в России указывать по педагогии на чужие края“.

(Письмо С. Н. Толстому 17 февраля 1861 г.)¹

Над этим текстом — портрет Толстого во весь рост. Это фотография, снятая за границей в 1861 г. в Брюсселе. В витрине — фото заграничных паспортов Толстого.

На правом простенке — виды (гравюры 50 — 60-х гг.) заграничных городов, в которых Толстой был в 1857 и 1860 — 1861 гг. Среди них — Париж, Берлин, Неаполь, Лондон, Женева, Эдинбург. Толстой пристально изучал жизнь этих городов, осматривал их культурные ценности, посещал музеи, библиотеки, школы, театры, публичные лекции, пристально всматривался в общественные отношения буржуазных стран. Внешний блеск буржуазной цивилизации не обманул Толстого. Это ярко выражено его словами, помещенными под изображениями итальянских городов: „Я скорее бы стал жить в Мамадышах, чем в Венеции, Риме, Неаполе; на этих городах и на жизни в них лежит такое условное, неизменно одинаковое величие и изящество, а для меня такая пошлость, что мне тошно думать о них“.

(Письмо П. Д. Голохвастову, 1876 г.)²

В центре правого простенка помещена иллюстрация худ. К. Н. Голицына к рассказу Толстого „Люцерн“. Толстой написал этот рассказ в 1857 г. под впечатлением случая, произошедшего на его глазах в швейцарском местечке того же названия. Описание виденного вылилось у Толстого в страстную критику буржуазной демократии, в гневное обличение ее лицемерия и лжи.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 60, стр. 366.

² Л. Н. Толстой, Новый сборник писем. Под ред. А. Е. Грузинского, 1912 г., стр. 21.

На иллюстрации изображена описанная Толстым толпа богатых туристов, собравшихся около швейцарского отеля. Толпа слушает уличного певца. Целый вечер развлекал бедняк своим искусством этих пресыщенных и праздных буржуа. Но единственным вознаграждением, которое он получил от них, были насмешки и издевательства. В рваную шапку певца не упало ни одной монеты. „Паршивая ваша республика,— с возмущением говорит Толстой,— вот оно равенство этих англичан, которые слушали даром бедного человека, который утешал их. — Они украли у него каждый по несколько сантимов... Да, вот она цивилизация“¹.

Суровым осуждением комедии буржуазного парламентаризма и буржуазных „свобод“ звучат помещенные в экспозиции следующие строки из первой редакции „Люцерна“: „...что руководит члена палаты или духовное лицо, подающее большой проект — тщеславие, корысть, честолюбие...“ „Вот она и свобода. Человек изуродован, слаб, стар. Находит лучшее по своим способностям средство зарабатывать хлеб пеньем... Его сажают в тюрьму за его промысел. Злостный банкрот, игрок на бирже кричат в совете о бродяжничестве“².

Толстой был глубоко прав в своем сочувствии к бедному обездоленному музыканту, в своей критике буржуазной демократии и цивилизации. Но Толстой не знал законов общественного развития и впадал в глубочайшее заблуждение, когда, ссылаясь на пример буржуазной Европы, отрицал блага

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 60, стр. 208, 211.

² Там же, стр. 211.

цивилизации, как таковой, и противопоставлял ей „инстинктивные блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре“. В. И. Ленин подверг резкой критике это положение Толстого. Толстой, — говорит Ленин, — „рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения „вечных“ начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого („переворотившегося“) строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов“¹.

Однако ошибочная точка зрения Толстого не подчеркивает значения его справедливой критики общественного строя буржуазной Европы. Критика Толстого пронизана глубоким сочувствием к трудовому народу, искренней тревогой за судьбы не только русского закрепощенного крестьянства, но и трудящихся европейских стран. Об этом говорят его слова, приведенные под изображением немецких крестьян (цинкография, с работы худ. П. Зеборга): „... когда я жил в Содене с братом Николаем... я там старался сходитья с народом, ходил косить с крестьянами. И тамошние крестьяне мне были почти также близки. Мешала только меньшая свобода общения из-за чуждого языка... я видел, что народ везде один и тот же“².

В левой стороне стенда — портрет А. И. Герцена (цинкография, с фото 1861 г.). Толстой познакомился и неоднократно встречался с Герценом в 1861 году, будучи в Лондоне. О характере этих встреч дает

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30.

² А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого. М., 1922, т. 1, стр. 180.

представление следующий отзыв Толстого о Герцене, помещенный под портретом: „У меня много общего с ним и, главное в чем я ему близок, это в его любви к русскому народу, а именно в его любви к характеру русского народа“¹.

Беседы с Герценом, чтение издававшихся им в лондонской „Вольной русской типографии“ антикрепостнических сборников „Полярная звезда“ углубили интерес и внимание Толстого к истории декабристов. „Кроме общего интереса, — писал Толстой Герцену 26 марта 1861 г., — вы не можете себе представить, как мне интересны все сведения о декабристах в „Полярной звезде“. — Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист“².

Замысел этого неосуществленного романа и образ его героя был внушен Толстому заграничными встречами с С. Г. Волконским и другими деятелями декабристского движения, возвращавшимися из ссылки во второй половине 50-х гг.

Портреты декабристов С. Г. Волконского и И. И. Пущина помещены на стенде вместе с обложкой „Полярной звезды“ за 1855 г.

Изучение декабристского движения и его исторических предпосылок привело Толстого к эпохе „молодости“ своего героя — декабриста, т. е. к эпохе Отечественной войны 1812 г. Так родился у Толстого замысел „Войны и мира“.

¹ „Новые пропилеи“, ГИЗ, 1923, т. I, стр. 98.

² Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 60, стр. 374.

ЗАЛ III

ТОЛСТОЙ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ (60-е гг.)

Реформа 1861 г.
в России (Стоял
налево от двери)

При входе в зал мы прежде всего знакомимся с материалами, характеризующими реформу 1861 г. и связанную с ней общественную и творческую деятельность Толстого.

„Весь ход экономического развития, — сказано в Кратком курсе истории ВКП(б), — толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими „бунтами“ против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право.

Но и после отмены крепостного права помещики продолжали угнетать крестьян. Помещики ограбили крестьян, отняв, отрезав у них при „освобождении“ значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше. Эту часть земли крестьяне стали называть „отрезками“. Крестьян заставили платить помещикам выкуп за свое „освобождение“ — около двух миллиардов рублей¹.

Картина „Спор на меже“ (копия с работы худ. К. А. Савицкого, масло) показывает, как реагировали крестьяне на грабительскую реформу. Толпа крестьян с возмущением уничтожает межевые знаки, отрезающие часть земли в пользу помещика. Сгорбленная старуха яростно спорит с помещиком и окружающими его полицейскими чиновниками.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 5.

Во многих губерниях проведение реформы сопровождалось крестьянскими бунтами и возмущением, которые были жестоко подавлены.

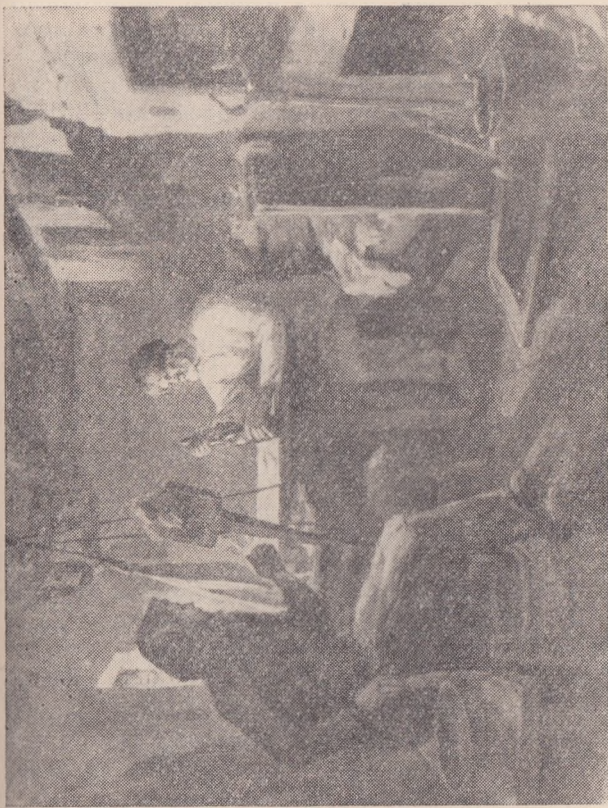
На стенде помещен снимок с царского манифеста, на словах даровавшего крестьянам свободу, а на деле оставлявшего их в полной экономической зависимости от помещика. „Взявшись за освобождение,—говорит В. И. Ленин,—правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников“...¹

Толстой, с нетерпением ожидавший отмены крепостного права, понял и осудил лицемерие царского правительства. Об этом свидетельствует выдержка из его письма к А. И. Герцену: „Читали ли вы подробные положения об освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня... мужики положительно недовольны“. (9 апр. 1861 г.)²

Сохранив политическую и экономическую власть за помещиками, реформа 1861 г. в то же время расчистила путь для развития в России капитализма. Противоречия буржуазного развития в стране, подавленной крепостниками, обрекавшие многомиллионное русское крестьянство на неслыханные бедствия и страдания, оказали, как это показал В. И. Ленин, решающее влияние на мировоззрение и творчество Толстого: „Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861-го и до 1905-го гг. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 395.

² Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., куб. изд., т. 60, стр. 377.

„Поликушка“. Поликей в углу для дворовых.
Иллюстрация С. С. Бойм. Акварель.

позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины»¹.

Первым произведением Толстого из написанных после реформы 1861 г. „Поликушка“ явилась повесть „Поликушка“, начатая через несколько дней после обнародования положения об отмене крепостного права. В экспозиции представлены три красочные иллюстрации к повести, сделанные советским художником С. С. Бойм (1950 г.).

„Поликушка“ — это повесть о трагической судьбе дворового человека, духовно изуродованного и погубленного крепостной зависимостью. Обрисовав ужас только что отмененной личной крепостной зависимости крестьян от помещиков, Толстой гениально отразил и углубление в те годы классового расслоения деревни.

О материальных условиях существования Поликея, как и других крепостных слуг, дает представление иллюстрация „Поликей в углу для дворовых“ (акварель). Тесное и темное, заваленное всякой домашней рухлядью жилище. Оно являет собой резкий контраст просторному, светлому, комфортабельному барскому „верху“, изображенному на другой иллюстрации (акварель). На третьей иллюстрации (гуашь) передана описанная в рассказе крестьянская сходка. Сходка должна решить, кому из крестьян идти в рекруты. Именно в этой сцене Толстой наглядно отразил ускоренный реформой процесс

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 29.

„Поликушка“. Крестьянская сходка. Иллюстрация С. С. Бойм. Гуашь.

классового расслоения в деревне. Среди собравшихся, мрачных, взволнованных крестьян выделяются дородные и спокойные фигуры сельских богатеев. На лицах последних лежит „самодовольное выражение власти: Вы мне что ни говорите, а меня никто не тронет“. Это новая в деревне власть — власть капитала. Именно она, а не воля взбалмошной барыни решает в конечном счете судьбу бедняка Поликея, доведенного до самоубийства. Те же деньги, за которые Поликей заплатил жизнью, изменяют судьбу парня из кулацкой семьи, освобождая его от рекрутчины.

Толстой —
мировой посредник

В мае 1861 г. Толстой, вопреки желанию местного дворянства, был назначен мировым посредником 4-го участка Крапивенского уезда. Посредники должны были наблюдать за тем, чтобы новые земельные и юридические взаимоотношения между крестьянами и помещиками устанавливались на „законном“ основании.

Будучи посредником, Толстой неизменно защищал интересы крестьян, часто нарушал предписания царского закона и этим навлек на себя „страшное негодование дворян“.

Об этой странице биографии Толстого говорит посетителям полотно художника М. Г. Соколова „Толстой — мировой посредник“. Крестьяне ожесточенно спорят с помещиком, посягающим на их землю. Толстой, сочувственно глядя на крестьян, стоит несколько в стороне, заложив руки за спину, и готовится вынести свое решение.

„Посредничество интересно и увлекательно, — писал Толстой в августе 1861 г., — но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми

силами души и суют мне палки в колеса со всех сторон¹.

В конце апреля 1862 г. Толстой был вынужден выйти в отставку.

„Кзаки“
(Стенд направо
от окна)

Повесть „Кзаки“ была задумана Толстым еще в 1852 г. на Кавказе и написана в основном на материале его личных кавказских впечатлений.

Работа над повестью продолжалась 10 лет. В витрине помещены фото с черновых рукописей Толстого. Они носят следы упорной работы, творческих исканий писателя, неоднократно менявшего план повествования, характеры и имена действующих лиц, заглавие. Один из листков черновых рукописей озаглавлен „Беглец“. Лист начала одной из промежуточных редакций имеет название „Марьяна“, и только в черновиках последней редакции появляется заглавие „Кзаки“. Среди фото с рукописей лежит том журнала „Русский вестник“ за 1863 г., раскрытый на первой странице „Кзаков“. Это первая публикация повести.

Своеобразный — полувоенный, полужемледельческий — быт терских казаков привлек к себе пристальное внимание Толстого еще в годы пребывания на Кавказе. Кзаки никогда не знали крепостной зависимости, обладали некоторыми правами гражданского самоуправления и в силу этого жили много лучше и свободнее крепостного крестьянства.

Кзачьа община представлялась Толстому прообразом того общественного строя, к которому, по мнению писателя, должна была придти вся земледельческая Россия после отмены крепостного права.

¹ Л. Н. Толстой, Поли. собр. соч., юб. изд., т. 60, стр. 405.

„Кзаки“. Дед Ершка.
Иллюстрация А. В. Ванциана, Масло.

Толстой не замечал классовых противоречий в казацкой общине и в этом смысле несколько идеализировал ее быт и нравы в своей повести. Но он создал замечательно яркие, реалистические образы терских казаков, раскрыл в них нравственную силу и красоту народного русского характера. Естественность и благотворность, полнота относительно вольной земледельческой жизни казаков противопоставлена в повести нравственному уродству быта и нравов привилегированных классов.

Образ центрального героя повести дворянского интеллигента Оленина передан на иллюстрации худ. Е. Е. Лансере (темпера). Глубокое сомнение, недовольство собой выражает лицо молодого человека, в задумчивой позе лежащего среди зарослей могучей кавказской природы. Оленин чувствует себя носителем ложной, порочной цивилизации, ищет и не находит путей к „естественности и простоте“, отличающих жизнь казаков от жизни его собственного общественного круга.

Мысли и чувства Оленина выражены в письме с Кавказа к прежним светским друзьям и знакомым: „Коли бы вы знали, как мне мерзки и жалки вы в вашем обольщении! Как только представятся мне вместо моей хаты, моего леса и моей любви эти гостиные, эти женщины с припомаженными волосами над подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящиеся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этот лепет гостиных, обязанный быть разговором и не имеющий никаких прав на это, — мне становится невыносимо гадко“¹.

Суровая, дышащая здоровьем и силой красота

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 5, стр. 120.

„Казаци“. Лукашка и Марьяна.
Иллюстрация А. В. Ганецяна. Масло.

молодой казачки Марьяны (иллюстрация худ. Е. Е. Лансере, акварель) покоряет сердце Оленина. Он восхищается неукротимой жизненной энергией, душевной ясностью и физической мощью старого казака-охотника деда Ерошки (иллюстрация худ. А. В. Ванециана, масло), любитесь цельностью и непосредственностью натуры своего соперника, молодого казака Лукашки (иллюстрации художников Е. Е. Лансере „Возвращение Лукашки с кордона“, темпера, и А. В. Ванециана „Лукашка и Марьяна“, масло).

На иллюстрации худ. А. Петрова (уголь) передана обрисованная Толстым боевая удаля и военная сметка терских казаков: с сознанием своей силы рассматривает передовой казачий кордон тело вражеского лазутчика, убитого Лукашкой. Потерянным и жалким чувствует себя рядом с этими мужественными воинами и тружениками носитель ложной цивилизации дворянин Оленин: „...люди эти в сравнении с ним самим казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на них, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серьезно приходила мысль бросить все, приписаться в казаки, купить избу, скотину, жениться на казачке...“¹

Осуждением жизни господствующих классов крепостнического общества звучат также слова старого казака Ерошки, сказанные на прощанье Оленину: „У вас фальшь, одна все фальшь“. „Оленин,— следует далее,— не стал отвечать. Он слишком был согласен, что все было фальшь в том мире, в котором он жил и в который возвращался“².

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 6, стр. 102.

² Там же, стр. 148.

Экспозиция раздела „Война и мир“.

Однако, наряду с сильными, реалистическими и критическими, тенденциями творчества Толстого, в „Казаках“ проявились и слабые стороны мировоззрения писателя, распространявшего на общественную жизнь биологические законы природы.

„Война и мир“
(Стенды на центральной стене и прилегающих к ней простенках)

На протяжении 1863—1869 гг. Толстой создает „величайшее, — по выражению А. М. Горького, — произведение мировой литературы в XIX веке“ — роман „Война и мир“.

Экспозиция „Войны и мира“ занимает три стенда. Первый возглавляется портретом (фото) Толстого 1868 г. „Война и мир“ представляет собой грандиозную художественно-историческую эпопею патриотического подвига русского народа в Отечественной войне 1812 г. „Событие это, — сказано в романе, — совершилось на глазах наших отцов, для которых решался вопрос жизни и смерти отечества, и война эта была величайшая из всех известных войн“¹.

Начало романа относится к эпохе первых и неудачных для России войн 1805—1807 гг., войн, которые она вела против Наполеона в союзе с Австрией и Англией. В эпилоге романа уже явственно звучит тема декабристского движения, охватившего передовые слои русского общества к началу 20-х годов. Таким образом, примерно 15 лет русской исторической жизни описано в романе. С изумительной полнотой и глубиной, с необыкновенным богатством красок раскрывается в нем национально-историческое своеобразие русской действительности тех лет, народно-патриотическая сущность событий 1812 года.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 12, стр. 119.

В работе над „Войной и миром“ Толстой изучил огромное количество исторических трудов, русских и иностранных, записок, писем и воспоминаний современников, военных и дипломатических донесений и т. п.

„Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица,— свидетельствовал Толстой,— я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг...“¹

Достоверность изображения исторических событий сочетается в романе с реалистической обрисовкой жизни, быта и нравов различных слоев русского общества первой четверти XIX века. Перед нами проходит целая галерея незабываемых художественных образов людей того времени, с их повседневными духовными и материальными интересами, радостями, увлечениями и страданиями, личными и общественными отношениями, с индивидуальным восприятием исторических событий. Описание великих битв, трудностей, лишений и небольших радостей боевой жизни сменяется лирическими описаниями русской природы, картинами мирного семейного и общественного русского быта. И все эти художественные образы и описания слагаются в грандиозную, многогранную и целостную картину русской жизни, эпохи героической борьбы русского народа с завоевателем Европы Наполеоном. „Это—великое произведение великого писателя,— писал о „Войне и мире“ И. С. Тургенев,— и это подлинная Россия“².

¹ Л. Н. Толстой, Собр. худ. произведений, М.—Л., ГИЗ, 1930, г. VII, стр. 305.

² Л. Н. Толстой в русской критике. Сб. статей, изд. 2-е, ГИХЛ, М. 1952, стр. 298.

Главным действующим лицом, подлинным героем романа является русский народ, своим великим патриотическим подвигом отстаивший честь и независимость родной земли в Отечественной войне 1812 года. „Я старался писать историю народа“, — говорил Толстой. — „В „Войне и мире“ я любил мысль народную, вследствие войны 1812-го года“¹.

Народ — а не его эксплуататоры и правители — является подлинным творцом истории, народу, а не царю Александру I с его приближенными принадлежит бессмертная слава 1812 года — такова основная мысль гениального романа Толстого. И эта мысль, подсказанная писателю опытом Крымской войны, была критически заострена против правящей крепостнической клики, обнажала ее своекорыстие, ее несостоятельность в представительстве и защите общенациональных интересов.

Одна из обличительных сцен романа изображена на иллюстрации худ. В. А. Серова „Салон Анны Павловны Шерер“ (темпера)². Описанием этого придворного салона начинается „Война и мир“. Действие происходит в 1805 г., когда Россия вступила в первую войну с Наполеоном. Хозяйка салона и ее высокопоставленные гости оживленно обсуждают развивающиеся военные и политические события. Но эти события, чреватые тяжелыми для России последствиями, интересуют собравшихся только как предлог для дипломатических и придворных сплетен. Беседа принимает характер пустой светской болтовни,

¹ С. А. Толстая, Дневники... 1860—1891 гг. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, стр. 37.

² Помещенные в экспозиции иллюстрации В. А. Серова к „Войне и миру“ написаны в 1953 г., к 125-летию со дня рождения Толстого.

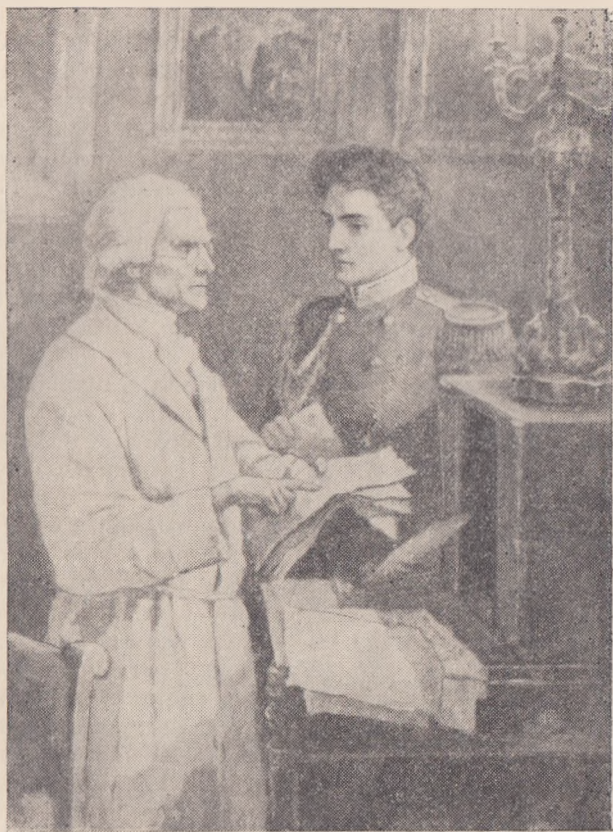

„Война и мир“. Салон Анны Павловны Шерер.
Иллюстрация В. А. Серова. Темпера.

проникнутой духом интриганства и тщеславия, полного равнодушия к судьбам родины. Среди беседующих — придворный вельможа князь Василий Курагин, беспринципный лицемер и интриган, его тупоумный сын Ипполит и дочь Элен — развращенная светская красавица, черствый и ловкий карьерист Борис Друбецкой, его мать, обедневшая княгиня Анна Михайловна, пройдоха и ханжа. Все эти образы получают дальнейшее развитие в романе, как воплощающие антинародную сущность правящих придворных кругов, их антипатриотическое поведение в тяжелую и славную годину 1812 года.

Неловко и стесненно чувствует себя в салоне Шерер впервые посетивший его Пьер Безухов. Умный, непосредственный, увлекающийся, он пытается начать серьезный разговор о волнующих его международных событиях и смущенно замолкает, чувствуя, что они никого по существу не интересуют. Презрительное молчание среди оживленной светской болтовни хранит и друг Пьера князь Андрей Болконский. Человек большого ума и характера, жаждущий применения своим силам и способностям, Болконский не находит места там, где процветают Курагины и Друбецкие. В уста князя Андрея вложил Толстой уничтожающую характеристику быта и нравов петербургского светского общества. „Гостинные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество — вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти... — говорит Андрей Пьеру, — это глупое общество, без которого не может жить моя жена, и эти женщины... Эгоизм, тщеславие, тупоумие, ничтожество во всем...“¹

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 9, стр. 35.

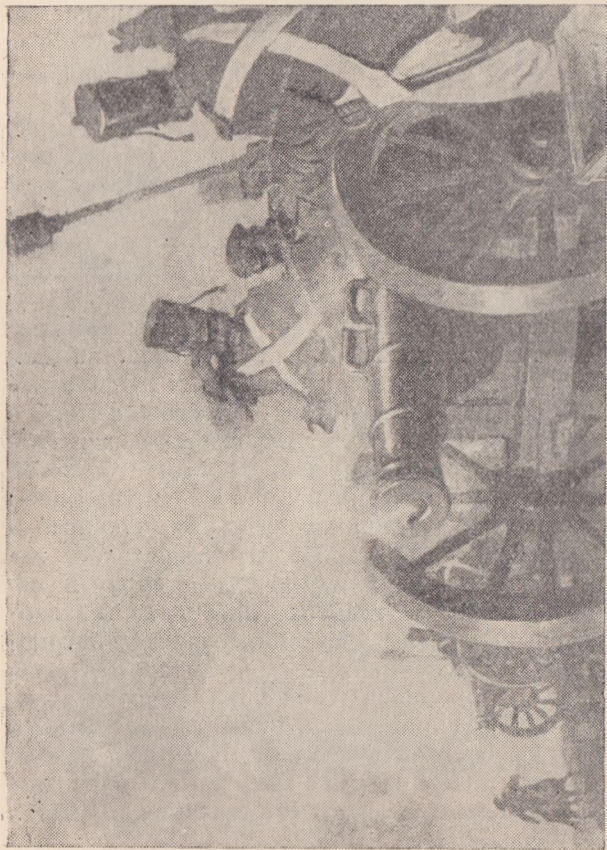
„Война и мир“. Прощание кн. Андрея с отцом.
Иллюстрация В. А. Серова. Темпера.

В лице Андрея Болконского и Пьера Безухова Толстой изобразил представителей передовой дворянской молодежи начала XIX века, объединившейся после Отечественной войны 1812 года в тайные декабристские общества для борьбы с самодержавием и крепостничеством.

В основном положительными чертами наделяет Толстой и образы родных князя Андрея — его старого отца и сестру, княжну Марью. Любовно, хотя местами и не без некоторой иронии, обрисована в романе многолюдная семья графов Ростовых (иллюстрация худ. В. А. Серова „Возвращение Николая Ростова домой из армии“, темпера).

Создавая образы Болконских и Ростовых, Толстой широко использовал материалы и воспоминания семейной хроники Волконских—Толстых и дал замечательно яркие изображения быта и нравов старого родовитого дворянства, вытесняемого из жизни новой придворно-бюрократической знатью. Толстой рисует Ростовых и Болконских как людей, при всем своем барстве все же сохраняющих благородные и привлекательные черты национального русского характера — широту и глубину натуры, прямоту и независимость мнений и, главное, искреннее патриотическое чувство. Этим чувством, сознанием патриотического долга проникнуты слова старого князя Болконского, провожающего на войну своего единственного сына: „Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне старику больно будет... А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!“¹ Прощание кн. Андрея

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 9, стр. 135.

„Война и мир“. Багарея капитана Гушина.
Иллюстрация А. В. Кокорина. Масло.

с отцом изображено на иллюстрации худ. В. А. Серова (темпера).

Две другие иллюстрации того же художника „Смотр войск Кутузовым под Браунау“ и „Кн. Андрей под Аустерлицем“ (темпера), а также работа худ. А. В. Кокорина „Батарея капитана Тушина“ (масло) отражают описанные в романе важнейшие моменты развития военных действий в кампании 1805 г. Описание смотра войск под австрийской крепостью Браунау — замечательная сцена встречи великого русского полководца с своей, пришедшей из России армией. Проходя перед строем, Кутузов пытливо всматривается в лица солдат, узнает и приветствует старых боевых товарищей, зорко замечает все изъяны в обтрепаншемся за поход солдатском обмундировании. И усталые, измученные лица солдат светлеют. Любимый испытанный полководец вселяет в их сердца бодрость и уверенность в своих силах.

В свите Кутузова идет его адъютант Андрей Болконский. Он мечтает о боевых подвигах и славе, с волнением и тревогой следит за неблагоприятно развивающимися военными событиями. Это резко отличает кн. Андрея от его сослуживцев Несвицкого и Жеркова, в лице которых Толстой изобразил типичных для аристократического офицерства искателей „рублей и крестов“, равнодушных к общему делу, озабоченных только собственным благополучием.

Полной противоположностью Жеркову и ему подобным выступает в романе армейский капитан Тушин, с которым кн. Андрей сталкивается в Шенграбенском сражении. Капитан Тушин — замечательный образ одного из подлинных, самоотверженных,

но скромных и потому незаметных героев войны. Неказистый, неловкий и застенчивый в офицерской компании, но крепко сроднившийся с солдатами, капитан Тушин превращается в бою в настоящего богатыря. На иллюстрации художника А. В. Кокорина изображен момент Шенграбенского сражения, когда окутанная пороховым дымом батарея Тушина, оставшись без прикрытия и потеряв половину людей, ведет огонь по противнику и, принимая на себя главный артиллерийский удар, сковывает силы врага. Героические действия капитана Тушина и его батареи оказывают решающее влияние на благополучный исход сражения, в котором четырехтысячный отряд Багратиона сдерживал натиск главных сил Наполеона до тех пор, пока Кутузов со своей армией не произвел нужного ему маневра.

В единоборстве батареи Тушина с многочисленной французской артиллерией образно воплощен героический характер всей Шенграбенской операции, блестяще проведенной Багратионом по плану Кутузова.

Но ни мудрость Кутузова, ни отличные боевые качества его армии не могли предотвратить неудачный для России исход ее первой войны с Наполеоном. Война, начатая Александром I в защиту интересов Австрии, постоянно предававшей своих союзников, была непонятна народу и армии. Постоянное вмешательство царя в военные дела, подчиненность Кутузова бездарному австрийскому командованию стесняли действия великого русского полководца.

С потрясающей силой рисует Толстой трагедию Аустерлицкого сражения — трагедию огромной армии, брошенной в гибельное сражение „бог знает как и зачем“ самонадеянным и тщеславным Алек-

сандром I. На иллюстрации худ. В. А. Серова (темпера) изображен подвиг кн. Андрея в сражении под Аустерлицем. С развевающимся знаменем в руках кн. Андрей устремляется на врага, увлекает своим примером расстроенные ряды солдат, но падает сраженный осколком вражеского ядра.

„Отчего, — сказано в романе от лица князя Андрея, — мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться...“¹

Войны 1805 — 1807 гг. с Наполеоном не затрагивали непосредственно национальных интересов России. Толстой широкой кистью рисует русскую жизнь этих лет, на которую разворачивающиеся далеко за границей военные события не оказали существенного влияния. Жизнь русских людей течет попрежнему, со всеми ее обычными человеческими увлечениями, радостями и печальями.

Страстной любовью к жизни, к родной природе дышит в романе замечательная сцена охоты Ростовых, также изображенная худ. В. А. Серовым (темпера). Все в этой сцене, начиная от осеннего пейзажа, на фоне которого разворачивается картина травли волка, и кончая тончайшими оттенками переживаний людей, охваченных охотничьим азартом, обрисовано мастерски. По свидетельству А. М. Горького, В. И. Ленин, перечитав сцену охоты, сказал о Толстом: „— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И, — знаете,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 11, стр. 206.

„Война и мир“. Олота.
Иллюстрация В. А. Серова. Темпера.

„Война и мир“. Наташа Ростова.
Иллюстрация В. А. Серова. Темпера.

что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было...

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?..

Сам себе ответил:

— Некого¹.

Одним из самых ярких, жизнеутверждающих образов является в романе „Война и мир“ образ обаятельной русской девушки Наташи Ростовой, выразительно переданный на иллюстрации худ. В. А. Серова (темпера). Еще не совсем сложившаяся, иногда угловатая и в то же время женственная, с неправильными и подвижными чертами лица, Наташа светится внутренним светом, горит избытком богатых нерастраченных жизненных сил. Выросшая в глуши отраденской усадьбы Ростовых, на лоне природы и в окружении крепостных слуг, Наташа чужда всякой искусственности, фальши и расчетливости, отличающих светских женщин. в том числе и жену Пьера Безухова — красавицу Элен.

Безыскусственное обаяние русского характера Наташи Ростовой ярко раскрывается в ее пляске после охоты в гостях у дядюшки (см. илл. худ. В. А. Серова „Русская пляска Наташи“ — темпера). Старик-дядюшка, подпевая и отбивая ногой такт, исполняет на гитаре „По улице мостовой“; столпившиеся в дверях дворовые слуги с восхищением смотрят на пляшущую Наташу. „Где, как, когда, — говорит Толстой, описывая пляску, — всосала в себя из того русского воздуха, когорым она дышала — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, этот дух, откуда взяла она эти приемы?.. Но дух

¹ М. Горький, Собр. соч., ГИХЛ, М.—Л., 1933, т. XXII, стр. 216.

и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка¹.

Но вот мирную русскую жизнь прерывают грозные события 1812 года. „Силы двенадцати языков Европы ворвались в Россию“², — так охарактеризовано в романе вторжение на русскую землю огромной наполеоновской армии.

Нависшая над родиной смертельная опасность приводит в движение широчайшие народные массы. Охваченные патриотическим духом и священной ненавистью к захватчикам, народ и армия оказывают яростное сопротивление врагу. „Цель народа, — говорит Толстой, — была одна: очистить свою землю от нашествия“³. Грозную силу народного сопротивления Наполеон испытал уже в первой битве, данной ему русскими под Смоленском. „...Мы в первый раз дрались там за русскую землю, — говорит кн. Андрей, — ... в войсках был такой дух, какого никогда я не видал...“⁴

Отдельные моменты описанного в романе сражения за Смоленск отражены в иллюстрациях художников А. Н. Голицына „Пожар Смоленска“ (гуашь) и А. Апсита „Встреча кн. Андрея с Алпатычем“ (гуашь).

Основную тему романа, тему народного патриотизма иллюстрирует известное полотно художника И. М. Прянишникова „Эпизод 1812 года“, созданное им в 1874 г. под несомненным влиянием гениальной

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 10, стр. 267.

² Там же, т. 11, стр. 267.

³ Там же, т. 12, стр. 170.

⁴ Там же, т. 11, стр. 205.

Партизаны 1812 года.
Работа И. М. Прянишникова. Масло. Копия.

„Война и мир“. Канун Бородинского сражения.
Иллюстрация П. Н. Пинкисевича. Масло.

эпопеи Толстого. Мы видим бескрайние снежные просторы русской земли, ставшие могилой „великой“ армии Наполеона. Одетые в нагольные полушубки крестьяне-партизаны ведут захваченных ими пленных. На переднем плане изображена крестьянка. Она вооружена вилами и держит ризу, отобранную у мародеров. С презрением смотрит эта простая и мужественная женщина на получивших по заслугам, съезжившихся от холода, страха и унижения захватчиков.

С наибольшей художественной силой и выразительностью великое решающее значение морального народно-патриотического фактора в войне 1812 г. раскрыто Толстым в описании Бородинского сражения.

На полотне худ. П. Н. Пинкисевича „Канун Бородинского сражения“ (масло, 1950 г.) изображена подготовка русской армии к этой великой битве за родину. Сосредоточенно и дружно, с сознанием своей силы и правоты солдаты и ополченцы строят укрепления, подвозят орудия. Вдали, на холме, Кутузов отдает своим генералам последние распоряжения. „Нынче не разбирают... Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва. Один конец сделать хотят“¹. В этих словах, вложенных Толстым в уста безыменного солдата, великолепно выражена та „скрытая теплота патриотизма“ народных масс, о которую разбились на поле Бородина захватнические планы Наполеона и его армии.

Один из основных эпизодов Бородинского сражения — ожесточенная борьба за центральное

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 11, стр. 189.

М. И. Кутузов.

Работа П. А. Белецкого. Масло.

укрепление русских — редут Раевского — изображен на другом полотне худ. П. Н. Пинкисевича (1950 г.). Неоднократно переходивший из рук в руки редут завален горами трупов. Но на нем снова победоносно реет русское знамя. Русские солдаты могучим натиском опрокидывают врага. „Бородинское сражение есть лучшая слава русского оружия... Оно — победа“. Этими словами, равно как и всей замечательной картиной гигантской битвы, Толстой опроверг клеветнические утверждения буржуазных историков о поражении, якобы понесенном Кутузовым на Бородинском поле. „Прямым следствием Бородинского сражения, — справедливо утверждает Толстой, — было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой, Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия, и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника“¹.

Выразителем духа народных масс, их патриотических стремлений и целей выступает в романе главнокомандующий русской армии М. И. Кутузов. Находящийся в экспозиции его портрет (масло, 1950 г.) написан молодым советским художником П. А. Белецким. Художник подчеркнул волевой, целеустремленный характер гениального русского полководца, который „загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления“².

Толстой раскрывает мудрость и человеческую обаятельность Кутузова, снискавшего прежними

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. II, стр. 265.

² „Большевик“, 1947 г., № 3, стр. 8.

«Война и мир». Совет в Филях. Работа А. Д. Кившенко. Масло. Копия.

боевыми подвигами великое доверие народа, любимца армии, ненавистного правящей клике. „... Против воли государя и по воле народа, он был избран главнокомандующим“, — говорит Толстой о Кутузове.

В противоположность западным буржуазным и русским верноподданным историкам, клеветавшим на Кутузова и старавшимся всячески его опорочить, Толстой показывает величие Кутузова как народного полководца, возглавившего народно-патриотическое сопротивление иностранному вторжению.

Тесное единение с народом и армией, трезвый учет обстановки, умение действовать согласно сложившимся обстоятельствам, твердость в достижении общенародной патриотической цели, независимость и презрение ко всему внешнему, показному — вот те замечательные полководческие качества Кутузова, которые Толстой возвеличивает и противопоставляет безжизненному догматизму Вейротера, Пфуля и других кабинетных генералов иностранной выучки, пользовавшихся покровительством и доверием Александра I.

На полотне худ. А. Д. Кившенко „Совет в Филях“ (масло, 1880 г.) мы видим Кутузова в один из самых драматичных моментов Отечественной войны 1812 г. На совете решается судьба русской армии после Бородина, судьба Москвы, судьба России. Из всех собравшихся на совет генералов Кутузов один понимает до конца все значение Бородина и предвидит неизбежность морального разложения уже смертельно раненной, но судорожно рвущейся к Москве армии захватчиков. Беря на себя огромную ответственность перед народом и родиной, навлекая на себя гнев царя и ропот собственного генералитета, Кутузов принимает решение оставить

Москву для того, чтобы сохранить силы армии и подготовить ее для нанесения решительного удара по врагу в наиболее благоприятных для этого условиях.

Кутузов понимает, что как ни тяжела утрата Москвы, не Москва, а армия решает исход войны. Ради сохранения армии, ради спасения родины полководец жертвует Москвой и своей славой. А. Д. Кившенко запечатлел тот момент, когда Кутузов повелительно объявляет генералам свое решение: „Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут не согласны со мной. Но я... властью, врученною мне моим государем и отечеством, я—приказываю отступление“¹.

Дальнейшее течение событий подтвердило мудрость принятого Кутузовым решения. Оставленная жителями Москва „всосала, как губка“, деморализованную бородинским сражением армию захватчиков. Войдя в Москву, она предалась грабежам, распалась на многочисленные мародерские банды. Одна из описанных в романе сцен мародерства французов в Москве изображена худ. В. А. Серовым: Пьер Безухов, оставшийся в Москве для того, чтоб убить Наполеона, спешит на помощь женщине, которую грабит мародер.

Раскрыв решающую роль народных масс в Отечественной войне 1812 г. и истинное величие Кутузова как выразителя народно-патриотических чувств и стремлений, Толстой тем самым разоблачил несостоятельность идеалистических представлений о том, что историю творят отдельные выдающиеся

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 11, стр. 276.

личности сообразно личным целям и желаниям. Но Толстой впал при этом в другую крайность, недостаточно выявив то огромное значение, которое имел в ходе войны разработанный Кутузовым стратегический план разгрома Наполеона. Многие решающие военные операции, тщательно продуманные и подготовленные Кутузовым, например, выход на калужскую дорогу русской армии и ее знаменитый фланговый марш, Толстой относил за счет естественного и неизбежного хода якобы стихийно развивающихся событий. В склонности к фатализму, в недооценке возможности сознательного воздействия людей на историю заключалась слабая сторона философско-исторических воззрений Толстого.

В наибольшей мере ошибочные воззрения писателя сказались в образе Платона Каратаева, смиренным и непротивлением которого Толстой стремился возвеличить самые слабые, отсталые черты патриархального крестьянства. Образ Каратаева резко противоречит другим созданным Толстым реалистическим образам народных героев — капитана Тушина, Тимохина, Тихона Щербатого, противоречит героическому образу всего русского народа, нарисованному в „Войне и мире“.

С особой полнотой вся сила активного народного сопротивления иностранным захватчикам раскрывается Толстым в изображении мощного размаха партизанского движения в войне 1812 года. В экспозиции помещен портрет Дениса Давыдова (работа худ. С. Берестюка, акварель, 1950 г.), одного из крупнейших руководителей и первых теоретиков партизанской войны. „Так называемая партизанская война,— говорит в романе Толстой,— началась со вступления неприятеля в Смоленск... Денис Давыдов

Война и мир". Партизаны в походе.
Иллюстрация В. А. Серова. Темпера.

своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны¹.

Некоторые черты характера Дениса Давыдова и отдельные моменты его деятельности отражены Толстым в образе Василия Денисова. На одной из иллюстраций худ. В. А. Серова Василий Денисов изображен излагающим Кутузову свой план совместного действия партизанских отрядов с регулярными частями. На другой иллюстрации того же художника мы видим Денисова уже во главе партизанского отряда. Ранним осенним утром партизаны пробираются в тыл врага по глухой лесной дороге. Впереди — фигура старика-крестьянина, помогшего партизанам обнаружить отступающую французскую колонну. Сейчас она будет смята внезапным нападением партизан.

Толстой дал следующее образное выражение народной мощи и патриотической сущности партизанского движения в войне 1812 г.: „... Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой... поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие“².

Изображенная на иллюстрации худ. П. Н. Жигмонта (масло, 1950 г.) сцена поздравления Кутузовым войск с победой после сражения под Красным представляет собой апофеоз описанных

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 12, стр. 123.

² Там же, стр. 120.

«Война и мир». Кутузов поздравляет войска с победой.
Иллюстрация лауреата Сталинской премии П. Н. Жигмонта.

в романе исторических событий. „Благодарю всех за трудную и верную службу,— говорит Кутузов, обращаясь к войскам.— Победа совершенная и Россия не забудет вас. Вам слава во веки!“¹ Сомкнутым строем стоят герои 1812 года перед своим великим полководцем. Непобежденные французские знамена повержены к его ногам.

„Двенадцатый год был великою эпохой в жизни России... Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России“²,— так определил В. Г. Белинский влияние войны 1812 г. на дальнейшее развитие русской общественной жизни. Патриотический подвиг народа в этой войне со всей остротой поставил перед передовыми русскими людьми вопрос о нетерпимости самодержавного крепостнического насилия над народными массами.

Послевоенные антикрепостнические и противоправительственные настроения передовой части русского общества вылились в освободительное движение дворянских революционеров-декабристов.

В эпилоге романа его основная народно-патриотическая тема органически завершается темой декабризма. Пьер Безухов, пройдя вместе с народом через грозные испытания войны, становится членом одного из тайных политических обществ.

На иллюстрации худ. В. А. Серова мы видим Пьера, только что вернувшегося в Лысые Горы из Петербурга и с оживлением излагающего в домашнем кругу свои политические взгляды: „... всё

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 12, стр. 187.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч. в 3-х т. М., ГИХЛ, 1948, т. III, стр. 337.

„Война и мир“. Рассказ Пьера о тайном обществе.
Иллюстрация В. А. Серова, Теллгера.

гибнет (говорит Пьер Николаю Ростову и Денисову — *Е. К.*). В судах воровство, в армии одна палка: шагистика, поселения, — мучат народ; просвещение душат. Что молодо, честно, то губят! Все видят, что это не может так идти. Всё слишком натянуто и непременно лопнет¹.

С затаенным дыханием слушает Пьера Николенька, сын погибшего на войне Андрея Болконского. Денисов указывает Пьеру на ограниченность его программы мирных преобразований и высказывается за открытый „бунт“. В противоположность Пьеру и Денисову, Николай Ростов выступает защитником реакции. Так расходятся в эпилоге романа пути его главных героев, которые в годы войны, несмотря на различие убеждений, были объединены одним патриотическим чувством.

Последующая судьба декабристского движения, безжалостно растоптанного реакцией, обрисована Толстым в „страшном“ сне Николеньки. Этим сном завершается повествовательная часть романа.

Николенька видит во сне „себя и Пьера в касках... впереди огромного войска... Они — он и Пьер — неслись легко и радостно все ближе и ближе к цели. Вдруг нити, которые двигали их, стали ослабевать, путаться; стало тяжело. И дядя Николай Ильич остановился перед ними в грозной и строгой позе.

— ... Я любил вас, но Аракчеев велел мне, и я убью первого, кто двинется вперед. — Николенька оглянулся на Пьера; но Пьера уже не было. Пьер был отец — князь Андрей... Отец ласкал и жалел его. Но дядя Николай Ильич все ближе и ближе

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 12, стр. 283.

надвигался на них. Ужас охватил Николеньку, и он проснулся¹.

Сон Николеньки — символическое выражение глубокой исторической связи между революционным подвигом декабристов и патриотическим подвигом народа в Отечественной войне 1812 года.

Народно-патриотическая эпопея Толстого вечно будет жить как глубоко правдивое и многогранное изображение русской жизни в славную эпоху героической борьбы русского народа с завоевателем Европы Наполеоном.

За годы Советской власти роман „Война и мир“ издавался в нашей стране 110 раз, на 12 языках, общим тиражом в 3.443.000 экземпляров. Это наглядно свидетельствует о той колоссальной популярности, которой пользуется великое произведение Толстого у советского народа.

З А Л И В

ТОЛСТОЙ В 70 — 80-е гг.

Развитие
капитализма
в России,
разорение
патриархальной
деревни

В 70-е годы обостряется вызванный реформой 1861 г. кризис сельскохозяйственной экономики, скованной пережитками крепостничества, но уже вовлеченной на путь интенсивного капиталистического развития. Вся тяжесть этого кризиса падала на ограбленное помещиками при реформе русское крестьянство. „...Старая патриархальная Россия,— пишет В. И. Ленин,—

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 12, стр. 294.

после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду“ разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность¹.

Налево от двери помещено высказывание Ленина о том решающем влиянии, которое оказала на мировоззрение и творчество Толстого пореформенная ломка старых, веками складывавшихся общественных отношений: „Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых „устоев“ старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

... Острая ломка всех „старых устоев“ деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его миросозерцания“².

Этот перелом завершился в начале 80-х годов окончательным идейным разрывом Толстого с помещичьим классом, полным и безоговорочным отречением от него писателя, суровым осуждением им всех эксплуататорских порядков буржуазно-помещичьего строя во имя жизненных интересов поработенного крестьянства.

На протяжении 1873—1877 гг., „Анна Каренина“ в пору назревания перелома своего миросозерцания, Толстой создает „Анну Каренину“ — гениальный роман, представ-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 301.

² Там же.

Экспозиция раздела «Анна Каренина».

ляющий собой широкую и глубоко реалистическую картину русской пореформенной жизни и ее социально-экономических противоречий.

Раздел „Анна Каренина“ занимает одну стену IV зала. В центре ее помещен большой, написанный маслом портрет Толстого 1873 г. Это копия, сделанная женой писателя С. А. Толстой с оригинала И. Н. Крамского (оригинал находится в доме Толстого). Портрет является одним из лучших живописных изображений великого писателя. Крамской писал Толстого во время его работы над „Анной Карениной“. Горячие споры об искусстве, возникавшие в процессе работы между художником и писателем, отражены в романе, в беседе художника Михайлова с знакомым Вронского Голенищевым.

Ниже портрета помещены слова В. И. Ленина, говорящие о глубине и важности социально-исторических вопросов, поставленных Толстым в романе: „Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека... «У нас теперь все это перевернулось и только укладывается»,— трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов“¹.

О крушении старого крепостнического уклада русской жизни, о разложении его экономических, общественных, идеологических и нравственных устоев и рассказал Толстой в „Анне Карениной“.

Все образы произведения, независимо от того, какую социальную прослойку пореформенного общества они представляют, свидетельствуют о том, что господствующий дворянско-помещичий класс

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 29.

Л. Н. Толстой.

*Портрет работы И. Н. Крамского. 1873 г. Масло.
(Копия С. А. Толстой.)*

этого общества, вопреки своим желаниям, уже не может жить по-старому, что это старое неустойчиво разрушается и разлагается во всех областях общественной жизни.

Главные герои романа — Анна Каренина и Константин Левин — это образы людей, возвышающихся над своим классом, ищущих каждый по-своему выхода из его морального и общественного разложения.

Рисуя трагическую судьбу Анны Карениной, прекрасной молодой женщины, тщетно пытающейся разорвать паутину светского и бюрократического бездушия, Толстой обличает бесчеловечность и лицемерие господствующей морали, порочность общественных и нравственных устоев буржуазно-дворянской семьи.

Красочные иллюстрации к роману (масло) созданы художником А. В. Ванецианом в 1950—1952 гг.

На одной из иллюстраций изображена встреча Анны с Вронским у вагона. Эта встреча решила судьбу Анны. Лицо молодой женщины выражает глубокое смятение. Она еще пытается подавить в себе вспыхнувшую любовь к Вронскому, но уже чувствует невозможность противиться ей. „... Она чувством поняла,— говорит Толстой,— что этот минутный разговор страшно сблизил их; и она была испугана и счастлива этим“¹.

В любви к Вронскому вылился протест Анны против тягостной для нее семейной жизни с Карениным, против светской морали, обрекающей женщину на унижительную зависимость от нелюбимого мужа.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 18, стр. 110.

„Анна Каренина“. Встреча Анны с Вронским у вагона
Иллюстрация А. В. Ванецяна. Масло.

Алексей Александрович Каренин — это типичный образ сановного бюрократа, воспитанного самой системой государственного управления пореформенной России.

Слуга исторически мертвого дела, Каренин не любит жизни и боится ее. Он замкнулся от нее в призрачный, никому не нужный мир служебных бумаг и бюрократических отношений. „Всю жизнь свою Алексей Александрович прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни. И каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее“¹.

Честная, глубокая натура Анны не может подчиниться требованиям условного светского „приличия“, обязывающим ее скрывать от мужа и от других свою связь с Вронским.

Одна из самых замечательных сцен романа — сцена скачек также изображена А. В. Ванецианом. С холодным любопытством смотрят с трибуны нарядные светские дамы, офицеры, чиновники на скачущих вдали всадников. С бесстрастным, застывшим лицом присутствует на скачках и Каренин. Он сидит позади Анны, опершись на трость. Фигура Анны, изображенная художником в порывистом движении, резко выделяется из окружающей ее светской толпы. Лицо Анны выражает ужас за Вронского, на всем скаку упавшего с лошади.

„Большинство молодых женщин, завидовавших Анне, — говорит Толстой, — ... радовались тому, что они предполагали, и ждали только подтверждения оборота общественного мнения, чтоб обрушиться

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 18, стр. 151.

„Анна Каренина“. Лиѓа на скачках.
Иллюстрация А. В. Ванецана. Масло.

на нее всю тяжестью своего презрения. Они приготавливали уже те комки грязи, которыми они бросят в нее, когда придет время¹.

И это время пришло. Объяснение Анны с Карениным после скачек кладет начало их открытому разрыву.

В сцене объяснения, проиллюстрированной А. В. Ванецианом, Толстой рисует трагическое столкновение глубокого человеческого чувства Анны с жестокостью и лицемерием светской морали Каренина. Алексей Александрович грубо врывается в комнату Анны, силой отбирает у нее портфель с письмами Вронского и объявляет о своем намерении лишить ее сына Сережи. Не столько самый факт супружеской измены Анны, сколько нарушение ею требований светского „приличия“ возмущает и оскорбляет Каренина. Теперь, как и всегда, форма для него важнее содержания: „... я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор... пока я приму меры, обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам“², — жестко говорит он Анне.

Анна не может и не хочет мириться с таким требованием. „Я разорву эту его паутину лжи, — решает она, — в которой он меня хочет опутать; пусть будет, что будет. Все лучше лжи и обмана!“³

Анна не может обманывать ни себя, ни других. Сила и прямота чувств, жажда подлинного человеческого счастья вовлекают ее в тяжелый конфликт с Карениным, а через это и со всей той системой

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 18, стр. 183.

² Там же, стр. 224.

³ Там же, стр. 309.

«Анна Каренина». Объяснение Анны с Карениным.
Иллюстрация А. В. Ванецяна. Масло.

собственнического насилия над бесправной женщиной, которая оправдывается буржуазно-крепостническим законодательством и светской моралью. В сцене свидания Анны с сыном (см. илл. А. В. Ванециана) Толстой с поразительной глубиной раскрыл трагизм переживаний насильственно разлученных матери и ребенка, жестокость и противоестественность этой разлуки.

Для Вронского Анна пожертвовала всем — сыном, положением в свете, своими прежними отношениями и знакомствами. Но будучи представителем духовно опустошенной светской среды, Вронский не может дать Анне подлинного человеческого счастья. В отношении Анны с Вронским нет общих глубоких интересов, которые связывали бы их в прочную семью.

Гибель Анны под колесами поезда — это гибель прекрасного, смелого и честного человека, задохнувшегося в атмосфере общественного и духовного разложения старого строя, в котором „все неправда, все ложь, все обман, все зло“¹.

На одной из иллюстраций А. В. Ванециана изображена сцена продажи леса Облонским купцу Рябинину. Сделка происходит у Константина Левина в кабинете. В этой сцене Толстой ярко отразил процесс экономического вырождения старой земельной аристократии в эпоху развития в России новых капиталистических отношений. На иллюстрации А. В. Ванециана хорошо переданы барское легкомыслие и беспечность разорившегося аристократа Облонского и хищная житейская цепкость купца

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 19, стр. 224.

„Анна Каренина“. Свидание Анны с сыном.
Иллюстрация А. В. Ванецяна. Масло.

„Анна Каренина“. Анна после разрыва с Вронским.
Иллюстрация А. В. Ванецяна. Масло.

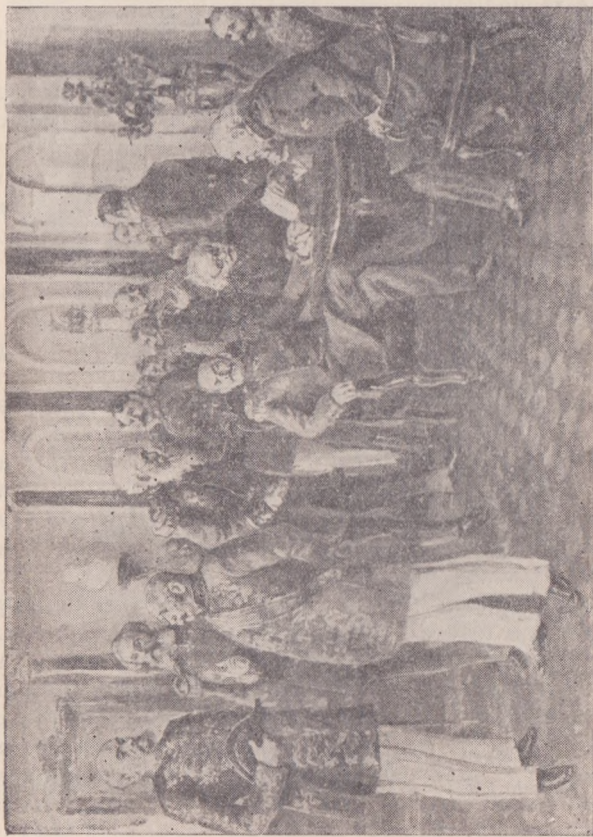
Рябинина, типичного представителя нового эксплуататорского класса — буржуазии, поднимающейся на смену деградирующему дворянству.

С едким сарказмом рисует Толстой сцену выборов предводителя дворянства. Торжественность обстановки дворянского собрания и процедуры выборов резко контрастирует с ничтожеством и мелким интриганством выборной борьбы. Эта, лишенная уже всякого общественного значения и содержания, внешняя пышность обветшалых сословных форм передана на иллюстрации А. В. Ванециана. Золото и блеск дворянских мундиров подчеркивают ничтожество холеных, пресыщенных и самодовольных физиономий их обладателей.

На фоне обрисованной в романе картины общественного и нравственного разложения бюрократического, светского и поместного дворянства резко выделяется образ Константина Левина. Он во многом отражает пережитое самим Толстым на протяжении 60 — 70-х гг. В то же время, рисуя образ Константина Левина, его деятельность и искания, Толстой ставит самые существенные вопросы пореформенной жизни России.

Характеризуя кризис русской экономики пореформенных лет, Ф. Энгельс писал в 1875 г.: „Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобранны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год уменьшается“¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 263.

«Анна Каренина». Дворянские выборы. Иллюстрация А. В. Вавенцова. Масло.

В исканиях Константина Левина находят отражение характерные явления пореформенной экономики, отмеченные Энгельсом. Стремление найти выход из создавшегося положения, понимание его глубокого неблагополучия заставляет Левина отказаться от всех видов служебной деятельности и замкнуться в своей деревенской усадьбе. „Для Константина Левина деревня была тем хороша,— читаем мы в романе,— что она представляла поприще для труда несомненно полезного...“¹

Занимаясь помещичьим хозяйством, Левин ищет путей к примирению антагонистических интересов обезземеленного реформой трудового крестьянства и нуждающегося в рабочей силе помещика-землеладельца. Левин наивно верит в возможность союза миллионов крестьянских „рук“ с миллионами помещичьих „десятин“.

Но все хозяйственные планы и начинания Левина разбиваются о нежелание ограбленного мужика поддерживать интересы своих эксплуататоров-помещиков.

В споре Левина с приказчиком (иллюстрация А. В. Ванециана „Левин на хозяйственном дворе“) выражена непреодолимая сила сопротивления работников-крестьян всем хозяйственным планам и начинаниям Левина. И это заставляет его убедиться в том, „что то хозяйство, которое он вёл, была только жестокая и упорная борьба между им и работниками“, что „интересы его (помещика — Е. К.) были им (работникам-крестьянам — Е. К.) не только чужды и не понятны, но фатально противо-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 18, стр. 251.

положны их самым справедливым интересам“¹.

Эксплуататорская сущность пореформенных полукрепостнических, полубуржуазных земельных отношений метко охарактеризована в романе словами брата Константина Левина — Николая: „Ты знаешь, что капитал давит работника, — говорит он Константину, — ...работники у нас, мужики, несут всю тягость труда и поставлены так, что сколько бы они ни трудились, они не могут выйти из своего скотского положения. Все барыши заработной платы, на которые они могли бы улучшить свое положение, доставить себе досуг и вследствие этого образование, все излишки платы — отнимаются у них капиталистами. И так сложилось общество, что чем больше они будут работать, тем больше будут наживаться купцы, землевладельцы, а они будут скоты рабочие всегда. И этот порядок нужно изменить...“²

Образу Николая Левина Толстой придавал черты народника-революционера (см. иллюстрацию А. В. Ванициана „Беседа Константина Левина с братом Николаем“).

Суровым приговором всем хозяйственным начинаниям Константина Левина звучат обращенные к нему слова Николая: „Ты не просто эксплуатируешь мужиков, а с идеею“³.

Смутно чувствуя справедливость этих слов, Константин Левин постепенно охладевает к своему помещичьему хозяйству, все больше и больше тяготится своей „телесной праздностью“.

Через весь роман проходит мысль о том, что

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 18, стр. 339 — 340.

² Там же, стр. 94.

³ Там же, стр. 370.

«Анна Каренина». Левин на хозяйственном дворе.
Иллюстрация А. В. Ванецана. Масло.

человек не может и не должен жить в отрыве от народа, что только участие в жизненно необходимом труде народных масс дает человеку душевное спокойствие и нравственное удовлетворение. Вот почему единственно прочной и по-настоящему счастливой семьей обрисована в романе семья молодого крестьянина Ивана Парменова.

С необыкновенной теплотой чувства написана в романе сцена косьбы Калинового луга, сцена тяжелого, но дружного, спорого крестьянского труда.

На Калиновом лугу Толстой обычно сам косил с яснополянскими крестьянами.

Участие в крестьянской работе дает Левину ощущение счастья и полноты жизни.

Совершенно противоположные чувства испытывает он на уборке сена в имении сестры в роли надсмотрщика за господским добром. Сидя на копне, Левин томится своей праздностью. С завистью наблюдает он за ловкой, умелой работой молодого крестьянина Ивана Парменова и его жены, любит их деловитостью, товарищескими, заботливыми отношениями друг к другу. „Тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою телесную праздность, за свою враждебность к этому миру охватило Левина“¹. И эта тоска рождает в нем „мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую и общую... (т. е. крестьянскую — *Е. К.*) жизнь“². В этих словах уже явственно звучит осуждение паразитической и эксплуататорской природы помещичьего класса,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 18, стр. 290.

² Там же.

стремление Левина порвать с ним, слиться жизнью с трудовыми крестьянскими массами.

Левин проникается сознанием справедливости протеста крестьянских масс против помещичьего и капиталистического гнета, но не понимает политической наивности этого протеста. Вот почему все поиски Левиным выхода из социально-экономических противоречий пореформенной жизни завершаются одним только нравственным переломом его сознания. Жить не для „нужды“, а для „души“, „по правде, по боюсь“ — в этом наивном, религиозно окрашенном крестьянском воззрении Левин находит наивысшую жизненную истину, решение всех волновавших его вопросов личной и общественной жизни.

Наивность этого решения отражает глубокую противоречивость творческой мысли Толстого, непонимание им, как и большинством крестьян, истинных причин бедственного положения пореформенного крестьянства. Об этом говорят нам слова В. И. Ленина: „То, что „только укладывается“, совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот „только укладываемый“ буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. [...] Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что „укладывается“ в России никакой иной, как буржуазный строй“¹.

В средней витрине помещены фото с черновых рукописей начала романа. В процессе работы его замысел существенно изменился. Задуманный в качестве семейного романа, он вылился в роман социально-обличительный. Всего среди рукописей

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 29 — 30.

Толстого сохранилось 13 различных начал романа. Его окончательному заглавию „Анна Каренина“ предшествовали в черновиках другие: первоначальное — „Молодец баба“ и последующее — „Два брака“.

На висящем слева от портрета Толстого овальном женском портрете изображена дочь А. С. Пушкина Мария Александровна Гартунг (копия с работы худ. И. К. Макарова, масло). Толстой встречался с ней в 70-х гг. в Туле. Некоторые черты ее внешности Толстой придал Анне Карениной.

Справа — портрет сестры одного близкого друга Толстого Марии Алексеевны Дьяковой-Сухотиной (копия с работы худ. Лаш, масло). Существует предположение, что ее несчастный, закончившийся разводом первый брак получил отражение в изображении семейной жизни Анны и Каренина.

Толстой называл „Анну Каренину“ романом „широким и свободным“, в который „без напряжения“ вошло все то, что он хотел сказать людям „с новой, необычной и полезной им стороны“. Толстой справедливо гордился „архитектурой“ своего романа. ... Своды сведены так, — говорил он, — что нельзя и заметить того места, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве лиц), а на внутренней связи“¹.

Воспроизведение внутренних, скрытых от поверхностного взгляда связей описываемых явлений действительной жизни составляет высшее искусство художника-реалиста. Это искусство проявляется в „Анне Карениной“ со всей силой и во всем

¹ „Русские пропилеи“, М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1916, т. II, стр. 267.

блеске великого национального гения Толстого. Во время работы над романом „Анна Каренина“, в процессе художественного осмысления все усиливающихся противоречий пореформенной жизни созрел перелом миросозерцания Толстого.

Перелом
миросозерцания
Толстого (Стенд
налево от окна)

Вслед за „Анной Карениной“, на протяжении 1879 — 1882 годов Толстой работает над произведением „Исповедь“.

Некоторые строки „Исповеди“ дословно повторяют сказанное Толстым в „Анне Карениной“ от лица Константина Левина. В „Исповеди“ как бы подведены итоги отраженным в образе Левина исканиям и сомнениям Толстого, сделаны конечные и решительные выводы.

В „Исповеди“ Толстой заявил во всеуслышание о своем окончательном идеологическом разрыве с классом помещиков, о своем переходе на сторону угнетенных трудовых крестьянских масс: „Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, науки, искусства, — все это предстало мне в новом значении. Я понял, что все это — одно баловство, что искать смысла в этом нельзя. Жизнь же всего трудящегося народа, всего человечества, творящего жизнь, представилась мне в ее настоящем значении. Я понял, что это — сама жизнь — и что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его“¹.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч. Под ред. П. И. Бирюкова, 1913, т. XI, стр. 43 — 44.

Переезд
в Москву

Осенью 1881 г. Толстой вместе со всей семьей переезжает в Москву для того, чтобы продолжить образование старших детей.

На стенде помещено фото дома, купленного Толстым в Москве, в Долгохамовническом переулке (ныне ул. Льва Толстого). По декрету Совнаркома от 6 апреля 1920 г., подписанному В. И. Лениным, этот дом со всей его обстановкой превращен в Музей Л. Н. Толстого.

В центре стенда — репродукция с акварели И. Е. Репина „Толстой за работой в Хамовническом кабинете“ (1893).

Жизнь огромного торгово-промышленного города, с ее кричащими контрастами богатства и нищеты, открыла Толстому глаза на ужасы капиталистической эксплуатации, значительно более откровенной в городе, чем в деревне того времени.

Москва 80—90-х годов обогатила и углубила содержание обличительной мысли Толстого, уже и до того отражавшей явления, порожденные капиталистическим наступлением на деревню, но еще лишенной четкого понимания эксплуататорской сущности пореформенного строя. „Я всю жизнь прожил не в городе, — говорил Толстой. — Когда я в 1881 году переехал на житье в Москву, меня удивила городская бедность...“¹ „При виде этого голода, холода и унижения тысячи людей, я не умом, не сердцем, а всем существом моим понял, что существование десятков тысяч таких людей в Москве, тогда, когда я с другими тысячами обедаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами, что бы ни говорили мне все ученые мира о том,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 25, стр. 182.

как это необходимо, — есть преступление, не один раз совершенное, но постоянно совершающееся, и что я, с своей роскошью, не только попуститель, но прямой участник его”¹.

„Так что же нам
делать?“

Над приведенным текстом помещена фоторепродукция с одного из рисунков И. Е. Репина, образующих серию, озаглавленную художником „Толстой на переписи“.

В 1882 г. Толстой принял участие в переписи московского населения, избрав для обследования кварталы, населенные городской беднотой. О том, что увидел Толстой во время переписи, он рассказал в большом обличительном произведении „Так что же нам делать?“ (1882 — 1886). В этой работе он со всей остротой ставит вопрос о бедственном положении трудящихся масс, о грабительской, угнетательской сущности государственных общественных порядков, обрекающих массы на голод, нищету, темноту и бесправие.

На рисунке И. Е. Репина изображена одна из московских улиц. Полицейские ведут по ней в участок группу арестованных. Кто они: преступники? Нет, это нищие, лишенные крова и хлеба, вынужденные просить милостыню для того, чтобы не умереть с голода.

Подобная сцена описана Толстым в работе „Так что же нам делать?“

Рассказывая о страшном быте городской бедноты, Толстой с возмущением рисует сцену у ночлежного дома. Она также изображена И. Е. Репиным: дрожащие от холода и голода, разутые, одетые в лохмотья люди столпились у ворот ночлежки. Они

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 25, стр. 190.

с нетерпением ждут часа, когда можно будет войти в это вонючее, грязное помещение, согреться стаканом кипятку, растянуться на голых, кишящих насекомыми нарах. Это — завсегдатаи городских трущоб, люди, выгнанные из деревни нищетой, не нашедшие в городе работы, вынужденные нищенствовать, воровать, превращенные капиталистическими порядками из честных тружеников в бродяг и пропойц.

На третьей иллюстрации И. Е. Репина изображено посещение Толстым во время переписи каморки проститутки в знаменитом Ржановом доме, населенном городской беднотой. Этот дом описан в „Так что же нам делать?“ как притон самой страшной нищеты и разврата. В этой нищете и в этом развращении масс, говорит Толстой, виноваты те, кто сидит у них на шее, т. е. господствующие паразитические классы. „Я увидел, что причина страданий и разврата людей та, что одни люди находятся в рабстве у других... если есть один праздный человек, то есть другой, умирающий с голоду“¹.

На поставленный в работе вопрос о том, что надо сделать для улучшения положения народных масс, Толстой не смог дать правильного ответа. Признав, что „революция экономическая не то, что может быть, а не может не быть“, и удивляясь, „что ее нет“², он считал единственно возможным путем к ней не освободительную борьбу народа, а добровольное отречение господствующих классов от собственности, их участие в физическом труде масс, создающем все материальные ценности.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 25, стр. 294, 295.

² П. И. Бирюков, Биография Л. Толстого. Государств. изд-во, 1923, т. II, стр. 135.

Жизнь и труд
Толстого в Ясной
Поляне (Стенды
налево от двери
в следующий зал
и направо от
входной двери)

Сам Толстой, сколько мог, пытался следовать своему рецепту. Начиная с 80-х годов, он усиленно занимается в Ясной Поляне физическим, крестьянским трудом.

В центре стенда — копия с знаменитой картины И. Е. Репина „Толстой за сохой“ (масло). Художник создал это полотно в августе 1887 г. по зарисовкам с натуры.

Ниже помещена фоторепродукция с другого, не менее известного полотна И. Е. Репина „Толстой за работой в комнате под сводами“, написанного также с натуры в Ясной Поляне в 1891 г. Рядом с письменным столом, за которым работает Толстой, находятся пила, коса, лопата и другие орудия крестьянского труда и обихода. „Жизнь моя.. вот такая: сначала, пока была пахота и навозная возка, я не целые дни был в поле, а утром занимался — преимущественно статьей о государственной власти... но потом пришел покос, и я целые дни был в поле“¹, — так характеризует Толстой свою жизнь в одном из писем 1886 г.

В Ясной Поляне Толстой отдыхал от тягостных противоречий городской жизни. Близкое повседневное общение с местными и окрестными крестьянами, непосредственная работа на крестьянских полях приносили Толстому нравственное удовлетворение, но ни в какой мере не приближали и не могли приблизить к главной цели его жизни этого времени — к уничтожению социального неравенства, к облегчению участи трудящихся масс.

Толстой видел, что яснополянские крестьяне,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 85, стр. 361.

так же как и другие, задыхаются от малоземелья, разоряются, голодают, ищут заработка на стороне. Толстой мучился этим и с каждым годом все сильнее тяготился барским образом жизни своей семьи и все больше отдалялся от нее. Об этом он неустанно говорит в своих дневниках и письмах. В письме к одному из своих друзей от 6 — 7 июня 1885 года Л. Н. Толстой пишет: "... неужели так и придется мне умереть, не прожив хоть один год вне того сумасшедшего безнравственного дома, в котором я теперь принужден страдать каждый час, не прожив хоть одного года по-человечески разумно, т. е. в деревне не на барском дворе, а в избе, среди трудящихся, с ними вместе трудясь по мере своих сил и способностей, обмениваясь трудами, питаясь и одеваясь, как они..."¹

Над этим текстом помещена фотография Толстого, беседующего с крестьянами. Она сделана в 1909 г.

З А Л В

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ТОЛСТОГО

90 — 900-х годов

Рост революцион-
ного рабочего
движения и рас-
пространение
марксизма в Рос-
сии (Стенд напра-
во от двери)

80 — 90-е годы в России характери-
зуются быстрым развитием капита-
лизма в городе и деревне и невидан-
ным обнищанием масс. Вместе с
ростом промышленности растет и
крепнет русский пролетариат. Широкое распро-
странение в России получают идеи марксизма.

На пути распространения марксизма в России

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 85.
стр. 223—224.

в этот период стояло народничество. Народники утверждали, что капитализм в России — явление „случайное“ и развиваться не будет, следовательно, не будет расти и пролетариат. Народники не понимали передовой роли пролетариата и главной революционной силой считали крестьянство. Они не понимали, что без союза с пролетариатом и без его руководства крестьяне не смогут свергнуть гнет царя и помещиков.

Сначала народники пытались поднять крестьян на бунт, но крестьянство за ними не пошло. Тогда они повели борьбу с царским самодержавием путем индивидуального террора, отказавшись от революционной работы среди крестьянства и рабочего класса. Отдельными убийствами народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей, тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочих и крестьян, мешали распространению марксизма в России.

С марксистской критикой ошибочных взглядов народников выступил еще в 80-е годы Г. В. Плеханов. Сокрушительный удар нанес народничеству В. И. Ленин в своей гениальной работе „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“ (1894 г.) Работа В. И. Ленина „Развитие капитализма в России“, появившаяся в 1897 г., завершила идейный разгром народничества.

В Кратком курсе истории ВКП(б) говорится:

„В 90-х годах промышленность переживала период подъема. Росло количество рабочих. Усилилось рабочее движение. С 1895 по 1899 год бастовало, по неполным данным, не менее 221 тысячи рабочих. Рабочее движение превращалось в серьезную

силу политической жизни страны. Самой жизнью подтверждались взгляды марксистов, которые они защищали в борьбе с народниками, насчет передовой роли рабочего класса в революционном движении¹.

На репродукции с работы худ. Герштейна изображен митинг рабочих; на репродукции с работы худ. Г. Савицкого — железнодорожная стачка.

Гениальным вождем и учителем пролетариата, несгибаемым борцом за создание Коммунистической партии в России выступает Владимир Ильич Ленин.

„В 1895 году Ленин объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки (их было уже около 20) в один „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. Этим он подготовил создание революционной марксистской рабочей партии².

Петербургский „Союз борьбы“ дал могучий толчок к объединению рабочих кружков в такие же союзы и в других городах и областях России.

Во второй половине 90-х годов в Москве, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме, Ростове-на-Дону, Киеве, Самаре, Туле, Орехово-Зуеве и других городах России создаются социал-демократические группы и союзы.

Толстой — \
выразитель
освободительных
чаяний
патриархального
крестьянства
(Стенд валево
от двери)

Выступая страстным обличителем государственных, экономических и общественных порядков самодержавной России, всякого рода социального угнетения независимо от его национальных и исторических форм, защищая интересы крестьянства, Толстой не понял великой освободительной роли пролетариата. Он

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 18.

² Там же.

видел в рабочих только обезземеленных, разорившихся крестьян, а не самостоятельную историческую и социальную силу, призванную стать могильщиком капитализма.

„Толстой,— говорит Ленин,— с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, „законный“ брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата“¹.

На акварели худ. И. Касаткина изображена голова шахтера, гордо откинутаая назад на могучей открытой шее. Суровое обветренное лицо носит следы тяжелого труда и лишений. Гневный, решительный взгляд выражает волю и готовность к борьбе. Это яркий образ революционного пролетария.

На акварели худ. Н. Соколова „Старый крестьянин“ дано типическое изображение патриархального крестьянина, придавленного помещичьей и кулацкой эксплуатацией.

На картине худ. Н. Орлова „Подати“ (копия, масло) изображена типичная для дореволюционной деревни сцена: крестьянская семья охвачена смятением в связи с появлением в избе сельского старосты. В счет неуплаченных податей он сейчас опишет последнее имущество бедняков, и им придется идти по миру. Напрасно протестует хозяин избы и силится доказать, что платить подати ему

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 323.

нечем. Перед жестокой силой царского закона его слова ничего не значат.

Протест доведенных до отчаяния миллионов крестьян и отразил Толстой в своем обличительном творчестве 90 — 900 х годов.

„...Толстой, — писал В. И. Ленин, — стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение“. „... Эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских „хитровцев“ и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира. „непротивление злу“, бессильные проклятья по адресу капитализма и „власти денег“. Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого“¹.

Противоречивым сочетанием беспощадного обличения капиталистической эксплуатации с беспомощной рецептурой спасения масс от бедственного положения отмечены все публицистические, философские и художественные произведения Толстого последнего периода его жизни и творчества.

Трибун обличения и протеста, Толстой прибегает в эти годы к самым различным формам идейного воздействия. Он пишет публицистические статьи, открытые письма, очерки, рассказы, создает

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 302.

ряд драматических произведений, снова обращается к монументальной форме социального романа.

Обличительная
публицистика
Толстого
90—900-х гг.

На стенде представлен монтаж ряда публицистических произведений Толстого 90—900-х годов. Уже одни их заглавия: „Рабство нашего времени“, „Кто убийцы?“, „Великий грех. (О земельном вопросе)“, „Голод или не голод?“, „О суде“, „О церковном обмане“, „Неужели это так надо?“ — говорят о том, что Толстой ставил в этих произведениях самые большие, самые важные вопросы современной ему русской жизни.

Выражая заветные чаяния многомиллионного русского крестьянства, Толстой прежде всего говорит о крестьянском безземелье, призывает к ликвидации помещичьей собственности на землю. „В деревнях живут люди впроголодь, в неустанном труде и нужде, в рабстве у землевладельцев; в городах и на заводах и фабриках живут фабричные... в рабстве у заводчиков и фабрикантов“, — пишет Толстой в статье „Где выход?“ (1900)¹. Положение трудящихся масс, стонущих под игом помещиков и капиталистов, Толстой справедливо именуется рабством.

Толстой обличает частную собственность — эту основу буржуазного строя и, прежде всего, частную собственность на землю. „С кем ни поговоришь, — пишет Толстой в статье „Великий грех“, рассказывая о своих встречах на Тульском шоссе с прохожим людом, — все жалуются на нужду, и все одинаково с той или другой стороны приходят к един-

¹ Л. Н. Толстой, Где выход? Изд. „Обновление“, 1906 г., стр. 6—7.

ственной причине. Хлеба нехватает, а хлеба нехватает оттого, что земли нет... пройдите по всей России, по крестьянскому миру, и взгляните во все ужасы нужды и во все страдания, происходящие от очевидной причины: у земледельческого народа отнята земля¹.

Срывая демократическую маску как с отечественного, так и западного либерализма, Толстой в той же статье утверждает, что „только освобождение большинства людей от того земельного рабства, в котором оно находится, может сделать политические реформы не игрушкой и орудием личных целей в руках политиканов, а действительным выражением воли народа“².

Эта мысль Толстого выражает революционные стремления крестьянских масс к ликвидации помещичьего землевладения. Она проходит красной нитью через все произведения Толстого, написанные в предреволюционные и послереволюционные годы.

В нижней части стенда помещен монтаж фотографий, отражающих деятельность Толстого по оказанию помощи голодающим крестьянам в отдельных уездах Рязанской и Тульской губерний в начале 90-х годов. Толстой организовал сбор средств в помощь голодающим и вместе со своими помощниками открыл на эти средства общественные столовые в ряде деревень, охваченных голодом.

В своих „Письмах о голоде“ Толстой резко ставит вопрос о нетерпимости тех общественных отношений, которые обрекают народ на страшные бедствия и приводят к такому абсурдному положе-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 209.

² Там же, стр. 207.

Л. Н. Толстой,
Портрет работы Н. Н. Ге. 1884 г. Масло. 5

нию, как необходимость обращения к общественной благотворительности для спасения людей, которые своим трудом кормят все общество. „Народ голоден,— говорит он,— оттого, что мы слишком сыты.

Разве может быть неголоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземельи, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры богатых людей?“¹

В работе „Признаки банкротства“ (1902 г.) В. И. Ленин, изобличая банкротство экономической политики царизма и лицемерие программы либеральных реформ, пишет по поводу статьи Л. Н. Толстого о голоде:

„В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается»“².

Обличая официальную церковь, как одно из орудий классового угнетения и одурманивания эксплуатируемых масс, Толстой говорит: „Люди живут в безумной роскоши, составляя свое богатство из трудов униженных бедных и ограждая себя и свое богатство стражей, судами, казнями,—и духовенство во имя Христа одобряет, освящает, благословляет такую жизнь...“³

Толстой стремится убедить одуряемые церковью народные массы в том, что „учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч. Под ред. П. И. Бирюкова, 1913, т. XVIII, стр. 57.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 67.

³ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 34, стр. 308.

же собрание самых грубых суеверий и колдовства...“¹
„Для человека,— утверждал Толстой,— в уме которого вложено, как священная истина, верование в сотворение из ничего мира 6.000 лет тому назад, в потоп и ковчег Ноя, вместивший всех зверей, в троицу, в грехопадение Адама, в непорочное зачатие, в чудеса Христа и в искупительную для людей жертву его смерти,— для такого человека требования разума уже не обязательны, и такой человек не может быть уверенным ни в какой истине“².

Однако, как на это указывал В. И. Ленин, „борьба с казенной церковью“ совмещалась у Толстого „с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс“³.

Левая сторона стенда занята фотографиями постановки драмы Толстого „Власть тьмы“ на сцене Московского Художественного театра. В этой пьесе, написанной в 1886 г., Толстой рисует темноту и жестокость нравов пореформенной деревни, куда уже проникли капиталистические отношения. В основу драмы легло судебное дело тульского крестьянина Ефрема Колоскова, убившего своего незаконнорожденного ребенка. Аналогичное преступление совершает в драме работник Никита, побуждаемый к тому своей алчной матерью и любовницей Анисьей, уже запутавшейся в преступлениях.

Порожденная капитализмом власть денег, толкающая людей на самые ужасные преступления,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 34, стр. 247.

² Там же, стр. 364.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

вызывающая в невежественных, забытых вековой кабалой людях алчность, животную страсть к наслаждениям,— вот та страшная язва пореформенной деревенской жизни, которую обнажает Толстой. Но этот процесс пореформенного разложения писатель истолковывает как следствие отказа крестьянства от якобы присущего ему непосредственного чувства „вечной“ и абсолютной религиозно-нравственной „истины“.

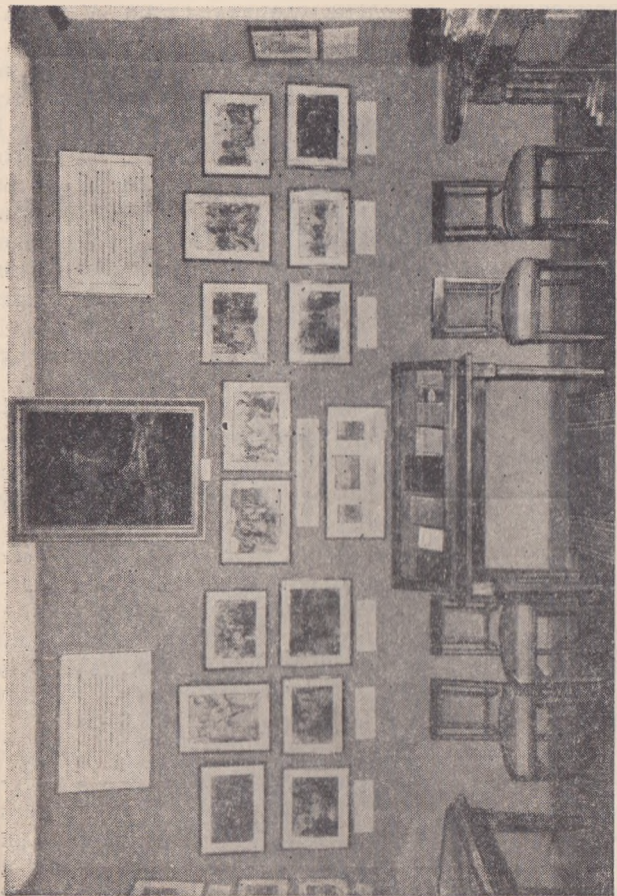
Носителем этой „истины“, а на самом деле носителем идеализируемых Толстым отсталых черт сознания патриархального крестьянства выступает в драме косноязычный старичок Аким, отец Никиты.

На протяжении 1886—1890 гг. Толстой создает комедию „Плоды просвещения“, в которой едко высмеивает общественный паразитизм, умственное и нравственное убожество правящих классов.

В ярких, сатирически заостренных комедийных образах писатель обнажает шарлатанство буржуазной науки, тупоумие, суеверие и бессердечие „образованных“ господ, развращенных праздностью, пресыщенных жизнью, сидящих на шее трудового народа.

Пустоте и никчемности барской „образованности“ противопоставлены в комедии трезвость и ясность крестьянского взгляда на вещи, воспитанного тяжелым трудом и лишениями. Настойчиво звучит в комедии тема крестьянского безземелья, подчеркнутая многократно повторяющейся репликой одного из крестьян: „Как жить теперича? Земля наша малая, не то скотину,— курицу, скажем, и ту выпустить некуда“.

Великие вопросы русской жизни, поставленные в публицистических и драматургических произведениях Толстого 90—900-х гг., получают гениальное художественное

Экспозиция раздела „Воскресение.“

обобщение в его последнем романе „Воскресение“.

„Воскресению“ отведена главная стена V зала. В центре ее — портрет Толстого 1884 г. работы худ. Н. Н. Ге (масло). Писатель изображен за работой в кабинете своего московского дома. В основном именно здесь на протяжении десяти лет (с 1889 по 1899 г.) создавалось „Воскресение“. Вокруг портрета Толстого расположены иллюстрации к „Воскресению“ работы художника Л. Пастернака. Все они написаны при жизни Толстого и высоко оценены им. Выполненные в строгой реалистической манере, иллюстрации Л. Пастернака глубоко раскрывают обличительное содержание гениального произведения Толстого. Часть иллюстраций представлена в оригиналах (уголь, карандаш), часть — в фотокопиях.

„Воскресение“ — это вершина русского и мирового искусства критического реализма, это обвинительный акт потрясающей художественной убедительности, предъявленный великим писателем всему строю дореволюционной России.

Невыносимое положение трудовых масс, опутанных и сдавленных цепями капиталистической и крепостнической эксплуатации, грабительская, угнетательская сущность бюрократического управления царской России — именно эти важнейшие вопросы русской жизни конца прошлого века ставит Толстой в романе „Воскресение“.

В статье „Молодой царь“ (1894 г.) Толстой так охарактеризовал положение русского народа и омерзительный облик его угнетателей и управителей: „... вот общий уровень благосостояния народа: заморыши дети, вырождающиеся племена, жилье с животными, непрестанная, тупая работа, покорность и уныние.“

«Воскресение». Нехлюдов в Панове.
Иллюстрация Л. Пастернака Тушь, карандаш.

И вот они, министры, губернаторы, — только корыстолюбие, честолюбие, тщеславие и желание приобрести важность и запугать¹.

Два рисунка Л. Пастернака к „Воскресению“ блестяще иллюстрируют это положение Толстого, получившее гениальное образное выражение в романе.

На одной иллюстрации изображена беседа героя романа князя Нехлюдова с крестьянами деревни Паново. Едва прикрытые лохмотьями, изможденные, охваченные глубоким безнадежным унынием крестьянки робко толпятся перед своим дородным богатым барином. Среди них выделяется молодая, убитая горем женщина с грудным ребенком на руках. Ребенок завернут в лохмотья, у него тоненькие, „как червячки“, ножки, искривленные рахитом пальчики. Из-под лоскутной скуфейки смотрит старческое, растянутое жалкой, бессмысленной улыбкой лицо несчастного заморыша. Мальчик в скуфеечке — это незабываемый образ голодания и вымирания, на которые обрекали народные массы эксплуататорские порядки буржуазно-помещичьего строя России, ее хозяева и управители. На другой иллюстрации Л. Пастернака мы видим огромную ожиревшую тушу, „красное лицо с чувственными смакующими губами над заложенной за жилет салфеткой“, „жирную шею“, „налитые кровью, без видимых век глаза“. Это Корчагин — крупный государственный чиновник, составивший огромное состояние на поставках и взятках, ради устрашения пересекший и перевешавший много людей, один из тех, в чьих руках находится жизнь и судьба многомиллионного бесправного,

¹ Л. Н. Толстой, Посмертные художественные произведения. Берлин, изд. „Свободное слово“, 1912, т. II, стр. 271.

«Воскресенье». Завтрак у Корчагина. Иллюстрация Л. Писарника. Уголь, М. Грановский.

голодного и нищего трудового народа. Все отвратительные физические детали, посредством которых Толстой акцентирует животную жадность, тупость, жестокость этого глубоко типичного образа царского сановника, выразительно переданы Л. Пастернаком.

С неменьшей выразительностью запечатлен им и образ барона Кригсмута, коменданта Петропавловской крепости, мрачной, зловещей темницы политических узников царизма. Кригсмут — это палач в генеральском мундире. Толстой рисует его как олицетворение той тупой, бесчеловечной жестокости, с которой царское правительство, уже обреченное историей на слом, силилось подавить в стране революционное движение. Придя к Кригсмуту с просьбой о смягчении участи одной из политических заключенных, „Нехлюдов слушал его хриплый старческий голос, смотрел на эти окостеневшие члены, на потухшие глаза из-под седых бровей, на эти старческие бритые отвисшие скулы, подпертые военным воротником, на этот белый крест, которым гордился этот человек, особенно потому, что получил его за исключительно жестокое и многодушное убийство, и понимал, что возражать, объяснять ему значение его слов — бесполезно“¹.

Наряду с Корчагиным и Кригсмутом, в романе проходит огромная галерея типических образов чиновных и сановных правителей царской России. И все эти образы, при всем их индивидуальном своеобразии, говорят об одном — о том, что всем царским чиновникам, „начиная от пристава до министра, не было никакого дела до справедливости или

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 269.

блага народа“, о том, что „людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах и заключается только в тайге“¹. Грабители, убийцы, лицемеры и развратники выступают в роли блюстителей общественной безопасности и нравственности, народные массы ограблены и обездолены — вот та страшная правда, которую Толстой обнажает в „Воскресении“.

Аристократ Нехлюдов соблазняет бедную девушку-сироту и бросает ее на произвол судьбы, совершая этим тяжкое преступление. Но с точки зрения классовой морали собственников и эксплуататоров преступником является не Нехлюдов, а его жертва — Катюша Маслова. Тетушки Нехлюдова выгоняют сироту Катюшу, свою полувоспитанницу-полугорничную, на улицу. Катюша Маслова, чистая, наивная девушка, постепенно опускается на самое дно жизни, попадает в публичный дом, а оттуда в тюрьму.

Убитая горем и унижением женщина в безобразном арестантском халате изображена на иллюстрации Л. Пастернака „Маслова, в суд!“.

Судьба Масловой — не исключение. У многих и многих матерей дети голодают и вымирают, как умер от голода ее собственный ребенок от Нехлюдова, как умрет от недоедания жалкий мальчик в скуфеечке; многие и многие тысячи бедных тружеников развращаются невыносимыми условиями жизни, превращаются в бездомных бродяг, проституток, топят свое горе в вине. Они преследуются и наказываются только за то, что порядки классового общества лишили их всех прав и возможностей нормального человеческого существования. И, про-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 414.

слеживая шаг за шагом судьбу Катерины Масловой, Толстой беспощадно срывает маску „законности и порядка“ со всех общественных и государственных установлений буржуазно-помещичьего строя дореволюционной России.

В зале суда совершается по всем правилам процедура судебного разбирательства: присяга свидетелей и присяжных, речи прокурора и адвоката, решение суда, вынесенное в полном соответствии с законом. Все это ложь и гнусная комедия, говорит Толстой. Это не акт правосудия, а лживая маска законности, прикрывающая мерзкое дело: бесчестные люди судят безвинного, беззащитного человека. Холеные, сытые, тупые и равнодушные лица смотрят на нас с иллюстраций Л. Пастернака „Присяжные“ и „Судьи“. „Это чиновники,— говорит Толстой,— озабоченные только 20-м числом. Он получает жалованье, ему нужно побольше, и этим и ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить, приговаривать“¹.

Дело Катюши переходит на рассмотрение в высшую государственную инстанцию — сенат, который призван контролировать действия органов исполнительной власти, блюсти законность и справедливость. На самом деле это ложь, говорит Толстой, и рисует всю тщетность попыток Нехлюдова обратить внимание сенаторов на случайную формальную ошибку, вкравшуюся в решение присяжных по делу Масловой и стоившую ей каторжного приговора.

Л. Толстой беспощадно разоблачает истинную сущность системы „исправительных“ учреждений царской России: тюрьмы мужские и женские, под-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 238.

„Воскресение“. „Маслова, в суд!“
Иллюстрация Л. Пастернака. Уголь, карандаш.

следственные и пересыльные (илл. „Катюша после приговора“, „Свидание в тюрьме“, „У тюремных ворот“), арестантские вагоны, пересыльные этапы, созданные якобы для наказания и исправления опасных обществу преступников. Все это ложь, говорит Толстой, показывая пагубное влияние бесчеловечных тюремных порядков и нравов на несчастных людей, загнанных за решетку только за то, „что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа“¹.

Торжественное богослужение в тюремной церкви, „совершаемое для утешения и назидания заблудших братьев“². И это ложь, говорит Толстой, обнажая обман церковных обрядов и речений перед толпой загнанных, поруганных людей, насилие и надругательство над которыми санкционировано официальной церковью.

Вся эта гнусная ложь непроницаемой тягучей паутиной опутывает жизнь миллионов людей, на тяжком труде и страдании которых покоится благополучие привилегированных хищников. В этой паутине организованного и узаконенного насилия гибнет Катерина Маслова и миллионы других трудящихся. И, несмотря на связи и высокое положение в обществе, Нехлюдов бессилен прорвать эту паутину жи, когда он вступается за попранные права им же погубленной Катерины Масловой.

Вопиющая несправедливость буржуазно-помещичьего строя, кричащее социальное неравенство при этом строе подчеркиваются самим построением романа, группировкой образов и сцен по принципу

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 300.

² Там же, стр. 137.

«Воскресение». Утро Нехлюдова. Иллюстрация Л. Пастернака. Уголь, карандаш.

сопоставления резких контрастов. Картина оживающей весенней природы (илл. „Весна“) сменяется описанием вонючего грязного коридора женской тюрьмы, по которому в это весеннее утро конвойные ведут Катюшу Маслову в суд. „Даже на тюремном дворе был свежий, живительный воздух полей, принесенный ветром в город. Но в коридоре был удручающий тифозный воздух, пропитанный запахом испражнений, дегтя и гнили, который тотчас же приводил в уныние и грусть всякого вновь приходившего человека“¹.

Трагизм образа Масловой-арестантки, чудовищная несправедливость выпавших на ее долю страданий и унижений подчеркивается описанием безмятежного утра виновника всех ее несчастий — князя Нехлюдова: „В то время, когда Маслова, измученная длинным переходом, подходила с своими конвойными к зданию окружного суда, тот самый племянник ее воспитательниц, князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, который соблазнил ее, лежал еще на своей высокой, пружинной с пуховым тюфяком, смятой постели и, расстегнув ворот голландской чистой ночной рубашки с заутюженными складочками на груди, курил папиросу“².

Тот же глубокий смысл, подчеркивающий трагизм судьбы Катерины Масловой, жертвы социального неравенства и несправедливости, вложен Толстым в сцену ночного путешествия Масловой на железнодорожную станцию. Эта сцена также проиллюстрирована Л. Пастернаком. Глухая осенняя ночь. Уже покинутая Нехлюдовым, но беззаветно любящая его

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 4.

² Там же, стр. 11—12.

Катюша, носящая в себе его ребенка и сознающая весь ужас своего положения, невзирая на темноту, холод, дождь и непролазную грязь, спешит на станцию, мимо которой должен проехать Нехлюдов. Вот она уже у цели, но в этот момент поезд трогается и мимо нее проплывает залитое светом, обитое бархатом купе первого класса и в нем веселящийся с товарищами-офицерами Нехлюдов. „Он, в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром — стою и плачу“¹, — думает Катюша, и чувство возмущения, обиды, поруганной любви душит ее, толкает к мысли о самоубийстве.

Беспросветное существование разоренных крестьян Нехлюдова и роскошное изобилие званого обеда у Корчагиных; гнетущие воспоминания Катюши в тюремной больнице о публичном доме и светская болтовня Нехлюдова с графиней Чарской о женитьбе; смрад и духота арестантского вагона, а за его решеткой комфортабельный зал ожидания для привилегированных пассажиров; нечеловеческие условия содержания заключенных на сибирских пересыльных этапах и полная довольства и роскоши обстановка в доме начальника Сибирского края. В сопоставлении всех этих и многих других контрастных сцен с неопровержимой убедительностью раскрывается весь ужас положения поработанных капиталистами, помещиками и чиновниками трудящихся масс.

В „Воскресении“ с наибольшей художественной силой Толстой отразил протест и возмущение русского крестьянства против буржуазно-крепостнической эксплуатации и полицейско-бюрократического

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 131.

угнетения. Во всей мировой литературе нет произведения, равного „Воскресению“ по широте и глубине обличения не только проявлений классового насилия и угнетения, но и самого принципа буржуазно-помещичьего строя, основанного на экономическом закабалении и юридическом бесправии трудящихся масс.

Однако, отражая точку зрения еще политически невоспитанного, политически наивного патриархального крестьянства, Толстой не смог сделать революционных выводов из обличенных им в романе с такой силой фактов современной ему действительности.

В чем же видит Толстой разрешение столь гениально поставленного им в романе вопроса о необходимости уничтожения классового общества вообще, буржуазно-помещичьего строя царской России в частности?

Ответ дает прежде всего образ Нехлюдова. После того, как Нехлюдов понял свою вину перед Катериной Масловой, он проникается не только сознанием мерзости всей своей прошлой жизни богатого, праздного и развратного человека, но и сознанием мерзости и несправедливости тех общественных отношений, которые оправдывают подобную жизнь. Нехлюдов рвет со своим прошлым и вступает на новый жизненный путь. Но это путь не активной революционной борьбы за переустройство общества, а путь пассивного сопротивления социальному злу и насилию.

Таков вывод, которым венчает Толстой свой гениальный роман. Но вывод этот ложный и находится в кричащем противоречии с великой жизненной правдой художественных образов романа. Ярким

примером того служат слова, вложенные Толстым в уста умирающего на этапе политического ссыльного Крыльцова: „Не рассуждать, а всем сплотиться... и уничтожить их... подняться на баллоне и посыпать их, как клопов, бомбами, пока выведутся“¹. Именно этот призыв к беспощадному, насильственному уничтожению всех врагов и угнетателей народа, а не евангельские изречения о смирении и любви, которыми восторгается Нехлюдов, представляет собой прямой вывод из всего обрисованного в романе.

Помимо Крыльцова, в романе выведены и другие образы ссыльных революционеров, стоически переносящих все ужасы и лишения заключения и этапа (илл. „Революционеры на этапе“). Среди них — крестьянин-народник Набатов, революционный пролетарий Маркел Кондратьев, представители различных течений уже окончательно вырождавшегося народничества — Симонсон и Новодворов, а также молодые женщины, посвятившие всю свою жизнь революционной борьбе.

Правдиво отразив в этих образах глубокие принципиальные разногласия в революционном движении 80 — 90-х гг., Толстой, однако, не понял и не показал того, что отличало молодую русскую социал-демократию от уже выродившегося народничества. Толстой видел в этих разногласиях только свидетельство слабости революционного движения как такового, его несостоятельность в деле освобождения масс от экономического гнета и правительственных насилий. Но верный жизненной правде, Толстой,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 32, стр. 409.

вопреки ограниченности своих взглядов, раскрыл великую моральную стойкость и чистоту революционеров — людей, смело и бескорыстно борющихся за благо народа. И не вымученная, надуманная „жертва“ Нехлюдова, добровольно сопровождавшего Катюшу в сибирскую ссылку, а самоотверженная преданность ссылке-политических своему революционному долгу возвращает Катюше утраченную веру в людей и добро, возрождает ее к новой жизни. Так, говоря словами А. М. Горького, Толстому, „проповеднику пассивного отношения к жизни, пришлось признать и почти оправдать в „Воскресении“ активную борьбу“¹.

В „Воскресении“ с наибольшей отчетливостью проявляются кричащие противоречия творческой мысли Толстого, вскрытые В. И. Лениным как отражение исторической противоречивости крестьянского движения в первой русской революции, его силы и слабости. „С одной стороны, — говорит о Толстом Ленин, — беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилем. С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной

¹ А. М. Горький, История русской литературы, М., Гослитиздат, 1939 г., стр. 4.

должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины¹.

„Воскресение“ создавалось Толстым в годы бурного нарастания в России революционного движения масс и было опубликовано всего за 6 лет до революции 1905 г. Несмотря на бессилие писателя правильно разрешить поставленные им, в романе великие вопросы современной ему русской жизни, „Воскресение“, как и все позднее обличительное творчество Толстого, явилось гениальным художественным отражением надвигающейся революции.

„Лев Толстой, — писала Н. К. Крупская, — умел так отобразить жизнь, — умел так смотреть, что и читателя учил видеть жизнь в ее настоящем свете, понимать ее во всей ее сложности. Я помню, как на меня, кончившую гимназию, произвел впечатление так называемый XIII том Л. Толстого, где были статьи „Труд и роскошь“, „Обследование ночлежного дома“ и др. То были годы глухой реакции, и страстная критика Л. Толстого рвала мертвое молчание, будила, не давая покоя. ...Я глубоко благодарна Толстому за то, что он помог мне научиться бесстрашно глядеть жизни в глаза. Я думаю, многим, очень многим помог Л. Толстой стать революционерами“.

В годы реакции, наступившей после поражения революции 1905 г., В. И. Ленин указывал, что гегемон революции, российский пролетариат „разъ-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 180.

² Н. К. Крупская, О Льве Толстом (воспоминания), журн. „На путях к новой школе“, 1928, № 9, стр. 16.

яснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещицъему землевладению“...¹

В витрине помещены материалы, свидетельствующие о гигантском труде, затраченном Толстым на создание „Воскресения“: фотографии рукописей и гранок романа, испещренных многочисленными поправками, фотография огромной кипы папок со всеми рукописными редакциями романа и их многочисленными вариантами. Только описание внешнего облика Катюши Масловой имеет 20 различных вариантов.

Цифра общего тиража изданий „Воскресения“, достигшая к 1955 г. 1.636.000 экземпляров, свидетельствует о том, что в стране социализма это произведение, наряду с другими гениальными творениями Толстого, стало подлинным и неотъемлемым достоянием масс. Иначе было в эпоху царизма. Царское правительство всеми силами пыталось ослабить революционизирующее значение обличительной критики Толстого и подвергало его произведения жесточайшим цензурным гонениям. В годы царизма роман „Воскресение“ появился в печати с 540 искажениями и купюрами, внесенными в текст цензурой. Из 123 глав романа было напечатано без искажений всего 25.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

Отлучение
Толстого
от церкви

Беспощадное обличение в „Воскресении“ официальной церкви послужило последним поводом для отлучения Толстого от церкви. Этим актом, одобренным 24 февраля 1901 года в № 8 „Церковных ведомостей“, царское правительство и его прислужница — официальная церковь хотели дискредитировать Толстого в глазах народных масс и тем самым ослабить влияние на них обличительной мысли великого писателя. Но предание анафеме величайшего русского и мирового писателя, автора гениальных, всемирно известных произведений, проникнутых горячей любовью к трудовому народу, ненавистью ко всякого рода эксплуатации и угнетению, клеймило печатью несмываемого позора в глазах всего прогрессивного человечества не Толстого, отлученного от церкви, а тех, кто отлучил его.

Изобличая гнусное лицемерие и бессилие этой церковно-правительственной репрессии, В. И. Ленин писал: „Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки“¹.

По случаю своего отлучения Толстой получил огромное количество писем от крестьян, рабочих, интеллигентов, выразивших свою любовь к писателю. Посетители художественной выставки в Петербурге устроили перед портретом Толстого работы Репина демонстрацию, осыпав портрет великого „еретика“ цветами. От рабочих Мальцевского завода

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 296.

Толстой получил в подарок пресс-папье в виде глыбы зеленого граненого стекла с выгравированной на нем надписью: „Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубоководный Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи „первосвященники“. Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим, великим, дорогим, любимым“.

Сам Толстой воспользовался отлучением, чтобы еще раз заявить на весь мир о своем решительном и бесповоротном разрыве с официальной церковью. В „Ответе синоду“ он писал: „Я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей...“¹

Отлучение Толстого от церкви наглядно продемонстрировало бессилие царского правительства перед национальным и мировым авторитетом великого художника и обличителя. Несмотря на всю свою реакционность, журналист А. Суворин писал в своем дневнике 29 мая 1891 г.: „Два царя у нас: Николай второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходуется в рукописях и в заграничных газетах.“

¹ Л. Н. Толстой, Соч., изд. Н. Н. Кушперева, М., 1913, т. XX, стр. 303.

Л. Н. Толстой.

Скульптура работы А. С. Голубкиной. Гипс.

Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост¹.

Выразительной иллюстрацией к этим словам служит воспроизведение карикатуры из одного французского журнала начала 900-х гг. На ней изображены две фигуры: гигант Толстой, одетый в лохмотья, с косой в мощной руке, и рядом пигмей Николай II в короне и в горностаевой мантии, с ужасом взирающий на Толстого.

Толстой — обличитель царизма. „Хаджи-Мурат“ (Стенд налevo от двери в следующий зал)

Непосредственно обличению царизма посвящен ряд произведений Толстого предреволюционных и послереволюционных лет и, прежде всего, замечательная историческая повесть „Хаджи-Мурат“.

Иллюстрации к „Хаджи-Мурату“ выполнены художниками Е. Е. Лансеро и А. В. Ванецианом.

„Хаджи-Мурат“ — это последнее крупное художественное произведение Толстого, написанное им в глубокой старости (1896 — 1904 гг.).

Полотно художника А. Моравова „Толстой за работой в яснополянском кабинете“ (масло, 1909 г.) является одним из последних прижизненных изображений Толстого.

В „Хаджи-Мурате“ описаны события из истории кавказской войны, имевшие место в годы молодости Толстого, во время его пребывания в рядах действовавшей против Шамиля русской армии.

В 1852 г. один из ближайших соратников Шамиля, наиб Хаджи-Мурат, известный своей неустрашимостью и военной удалей, перешел на сторону русских, но бежал и был убит в схватке с посланной за ним погоней.

¹ А. С. Суворин, Дневник, 1923, стр. 263.

Л. Н. Толстой в кабинете яснополянского дома.
Работа А. Моравона. 1909 г. Масло.

Описывая эти события, Толстой очень верно раскрывает сложную и противоречивую историческую обстановку, сложившуюся в те годы на Кавказе. Его присоединение к России отвечало национальным интересам кавказских народов и тем самым было делом исторически прогрессивным. Но это прогрессивное дело осуществлялось со свойственными царизму жестокостью и варварством, что вызывало среди горцев недовольство и возмущение. Этим воспользовались в своих захватнических целях английские империалисты, издавна стремившиеся превратить Кавказ в свою колонию. При посредстве Турции они разожгли среди части кавказских народов фанатическое движение мюридизма, направленное против русских и возглавленное Шамилем. „Мюридизм ориентировался на Турцию и Англию и ставил своей целью подчинение движения горцев, возглавленного Шамилем, захватническим интересам Турции и Англии“¹.

В полном соответствии с исторической действительностью Толстой рисует Шамиля жестоким деспотом и изувером, несшим кавказским народам не освобождение, а закабаление, человеком, борющимся за сохранение и упрочение деспотизма.

Но, прежде всего, Толстой обличает жестокость и лицемерие националистической политики царизма и создает уничтожающий образ жандарма всех народов Николая I, прозванного за жестокость Николаем Палкиным. По силе обличения царизма этот образ палача на императорском троне не имеет себе равного в литературе. „Властолюбивый, ограниченный, необразованный, грубый, и потому само-

¹ „Правда“, 1950, 14 мая.

уверенный солдат"¹,— так характеризует Толстой Николая I. Таким изображен он и на иллюстрации худ. Е. Е. Лансере, точно и выразительно передавшего все черты, подчеркнутые Толстым в описании внешнего облика Николая I: „огромный, туго перетянутый по отросшему животу стан“, неподвижный, безжизненный взгляд „тусклых“, оловянных глаз, хищно торчащие вверх усы, ожиревшие щеки, подпертые высоким воротником, с плотно прижатым к нему тяжелым подбородком. В силу своей сатирической насыщенности, портрет Николая I, созданный Е. Е. Лансере в полном соответствии с толстовским текстом, был запрещен царской цензурой.

Внешний облик Николая I полностью отвечает его внутренней сущности: „... сотни, тысячи, десятки тысяч людей— матери, жены, отцы, дети,— говорит Толстой,— мучились, неся страшные нравственные и телесные страдания по распоряжению этого одного человека“², вся жизнь которого „была сплошная ложь и преступленья“³. Это по его распоряжению „томились годами, сходя с ума и умирая от чахотки в казематах крепостей, добрые, образованные, умные, лучшие русские люди, виновные в том только, что они хотели избавить Россию от грубого своеволия Аракчеевых и им подобных и, в ущерб своим выгодам, дать свободу миллионам и миллионам рабов, обращенных в животное состояние бесчеловечными помещиками. Томились и гибли в казематах, острогах, ссылке десятки тысяч поляков, опять лучших людей

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 35, стр. 540.

² Там же, стр. 550.

³ Там же, стр. 532.

своего общества, только за то, что они хотели жить соответственно вековым преданиям своего народа, любили свое отечество и готовы были пожертвовать всем для достижения этой цели..“

...„Гибли сотни тысяч солдат — в бессмысленной муштровке на учениях, смотрах, маневрах и на еще более бессмысленных жестоких войнах против людей, отстаивающих свою свободу в Польше, в Венгрии, на Кавказе. Все это делалось по воле этого одного человека“¹.

В образе главного героя повести Хаджи-Мурата Толстой рисует трагическое столкновение естественных и глубоких человеческих чувств этого смелого, сильного и энергичного горца с отуманившим его сознание религиозным фанатизмом. Один из крупнейших военных деятелей мюридизма, ближайший соучастник черных дел Шамиля, Хаджи-Мурат сам становится жертвой его жестокости и деспотизма.

Привязанность к семье, томящейся в плену у Шамиля, и заставляет Хаджи-Мурата, вопреки его религиозному фанатизму, выйти к русским и искать у них заступничества. Однако, доверившись слугам и ставленникам Николая I, обещавшим выручить из плена его семью, Хаджи-Мурат жестоко поплатился за свою наивность. Вопреки уговору, они обращаются с ним как с пленником и не думают помочь ему спасти семью. Поняв это, Хаджи-Мурат бежит из плена, полный презрения и ненависти к обманувшим его людям. Настигнутый погоней, весь израненный, истекающий кровью, он бьется с врагом до тех пор, пока не падает на землю мертвым.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 35, стр. 550, 551.

„Хаджи-Мурат“. Смерть Хаджи-Мурата.
Иллюстрация А. В. Ванецана. Масло.

Последние минуты жизни и борьбы Хаджи-Мурата ярко изображены на иллюстрации худ. А. В. Ванециана (масло).

В лице Хаджи-Мурата Толстой рисует одну из бесчисленных жертв национально-колониальной политики царизма, жертву кровавого столкновения на Кавказе двух одинаково враждебных свободолюбивым народам „полюсов властного абсолютизма — европейского и азиатского“¹. Именно в этом плане образ Хаджи-Мурата вызывает сочувствие как у самого Толстого, так и у читателя.

Однако как в трактовке образа Хаджи-Мурата, так и в освещении исторических событий проявляются и слабые стороны творческой мысли Толстого — возвеличивание стихийности, осуждение политики, преобладание отвлеченно-этической точки зрения над конкретно-исторической. Но замечательно то, что Толстой — проповедник непротivления злу насилием — в завершение своей творческой деятельности утверждает правоту и красоту активной борьбы человека за жизнь и независимость. Образ Хаджи-Мурата навсегда останется в числе самых ярких жизнеутверждающих образов в мировой художественной литературе.

По своим художественным достоинствам повесть „Хаджи-Мурат“ принадлежит к числу совершеннейших произведений великого писателя. А. М. Горький однажды сказал: „Да, когда я читаю Толстого или Чехова, какое огромное спасибо говорю им. И мне кажется, что эти творцы умели

¹ Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом, изд. „Златоцвет“, М., 1911, стр. 99.

выражать всё. Разве можно написать „Хаджи-Мурат“ лучше? — Нам кажется — нет. Толстому казалось — можно!“¹

„Хаджи-Мурат“ — это лебединая песня Толстого, проникнутая юношеской любовью к жизни и жгучей ненавистью к царизму.

Обличению царизма посвящен и ряд рассказов Толстого.

В рассказе „После бала“, написанном в 1903 г., Толстой показывает чудовищную жестокость палочного военного режима Николая I. Этой же теме посвящен и очерк „Николай Палкин“ (1886).

В 1906 г. Толстой пишет рассказ „За что?“, проникнутый сочувствием к польской революции, подавленной Николаем I, и обличающий реакционную роль русского самодержавия в международной жизни Европы. В незаконченном произведении 1905—1906 гг. „Посмертные записки старца Федора Кузмича“ Толстой, давая уничтожающую оценку личности Александра I, раскрывает преступность и аморальность человеческого облика самодержавного деспота, безнравственность всей обстановки дворцовой жизни.

В 1900 г. Толстым была написана драма „Живой труп“, которая беспощадно обличала мещанские устои буржуазно-дворянской семьи, насильнический характер царского полицейского законодательства и бракоразводного судопроизводства.

¹ Вс. Иванов, Встречи с Максимом Горьким, М., 1947, стр. 79.

Толстой —
обличитель импе-
риалистической
реакции (Стенд
направо от двери,
ведущей в V зал)

Русский царизм был одним из звеньев в цепи мирового империализма. И. В. Сталин говорил: „...кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма“...¹ Этими словами открывается заключительный стенд V зала, посвященный Толстому — обличителю мирового капитализма и империалистических войн.

Развернувшаяся в конце XIX века между капиталистическими странами борьба за колонии, лихорадочная гонка вооружений в бисмарковской Германии, американо-испанская, англо-бурская, русско-японская и другие империалистические войны конца XIX — начала XX века — все это вызывало у Толстого глубокую тревогу за судьбы человечества. Начиная с 90-х годов, в публицистических статьях Толстого все громче и резче звучит на весь мир гневный протест против империалистического разбоя, против лицемерия буржуазной демократии, прикрывающей этот разбой.

Чему и кому служит буржуазное государство, чьи интересы оно защищает? — спрашивает Толстой и отвечает: „Люди вооруженные, грубые, жестокие, грабят трудолюбивых, безобидных оседлых людей. Иногда грабят набегами — ограбят и уйдут — иногда поселяются среди трудящихся и устраивают постоянный грабеж, т. е. отнимают часть их труда и пользуются им, ограждая себя оружием... На этом, только на одном этом.. основаны всевозможные государственные учреждения: разные сенаты, советы,

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 76.

парламенты, императоры, короли“. („О государстве“, 1909 г.)¹.

Отражая освободительные чаяния многомиллионного трудового русского крестьянства, его ненависть ко всякого рода социальному угнетению, Толстой предсказывал неминуемую гибель мирового капитализма.

В статье „О существующем строе“ (1896 г.) он писал: „Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией...“²

С гневом и презрением обличает Толстой продажность и циничность буржуазной, и прежде всего, американской избирательной системы. „Существует, — говорит он, — определенная цена местам в парламенте, существуют дельцы, устраивающие эти сделки кандидата с избирателями. Тот же разврат при выборе президента. Выбор президента в Соединенных Штатах стоит миллионы тем аферистам, которые знают, что выбранный президент будет поддерживать выгодную им систему обложения тех или иных предметов или те или иные монополии, и они сторицей возвратят то, что будет им стоить избрание“. („О значении русской революции“, 1906 г.)³.

Страстно протестует Толстой против тех бедствий

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 38, стр. 291, 292.

² Л. Н. Толстой, Соч., М., изд. И. Н. Кушнерева, 1911, т. XIX, стр. 129.

³ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 36, стр. 326.

и страданий, которые несет империалистическая реакция народам, насильно ввергнутым в грабительские войны. Нет такого народа, заявляет писатель, которому была бы нужна империалистическая бойня. Она нужна только тем, кто сидит на шее народных масс, кто беспрестанно обогащается за счет труда и жизней миллионов миролюбивых людей.

„Абиссинская, бурская, испанская, война с Кубой, Филиппинами,— говорит Толстой о колониальных войнах конца XIX века,— все это войны, веденные самими конституционными республиканскими правительствами, и точно также все эти правительства, когда находят это нужным, подавляют вооруженной силой те восстания и проявления воли народов, которые они считают нарушением законности, т. е. того, что эти правительства в данную минуту считают законом“. („Об общественном движении в России“, 1905 г.)¹.

Выражая миролюбивые чаяния русского народа, Толстой в статье „Одумайтесь“ (1904 г.) с возмущением писал: „Когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: „Да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить...“²

Однако, при всей страстности и искренности своего протеста против ужасов империалистического разбоя, Толстой не понимал, что не пассивное сопротивление, а только активная борьба против

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., юб. изд., т. 36, стр. 162.

² Там же, стр. 143.

поджигателей войны может избавить человечество от неисчислимых бедствий и страданий, которые несет война.

Но Толстой со всей остротой поставил вопрос о необходимости борьбы народов за мир, и этим он помогает нам в нашей борьбе за мир и демократию во всем мире.

З А Л В I

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ

Толстой
и революция 1905 г.
(Стенд на левой
от двери)

В 1904 г. началась русско-японская война, вызванная столкновением захватнических тенденций царизма с империалистическими интересами Японии на Дальнем Востоке. В этом столкновении царизм потерпел полное и позорное поражение.

Толстой отчетливо понимал империалистический характер русско-японской войны и те бедствия, которые она несла русскому и японскому народам, натравленным друг на друга своими правительствами. „Я ни за Россию, ни за Японию,— говорил Толстой,— а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать противно собственному благосостоянию, своей совести и религии“¹. В статье „Одумайтесь“ он призывал народы и правительства обеих воюющих стран прекратить военные действия. Толстой был патриотом своего отечества и такие события, как падение Порт-Артура, переживал очень тяжело.

¹ Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Толстого*. М.—Л., 1936, стр. 650.

Война стоила русскому народу огромных жертв и до предела обострила ненависть трудящихся масс к царизму.

Кровавые события 9 января 1905 г. переполнили чашу народного терпения. В России началась революция.

По своим основным задачам — свержение царизма, установление демократической республики, ликвидация помещичьего землевладения — революция 1905 г. носила буржуазно-демократический характер. По своим движущим силам она была народной революцией, приведшей в движение „весь народ, весь рабочий класс, все крестьянство“¹. Борьбу народных масс против самодержавия возглавил рабочий класс.

Знаменательные события из истории славной борьбы рабочего класса с самодержавием изображены худ. Г. Савицким на картине „Декабрьское восстание. Бой у Горбатого моста“ (копия, цинкография).

Борьба крестьян против помещиков в революции 1905 г. была менее организованной. В лучшем случае выступления крестьян ограничивались разгромом помещичьих усадеб, захватом помещичьих земель, неповиновением местным властям. Отдельные моменты крестьянского движения запечатлены худ. Г. Гореловым в его работе „Разгром помещичьей усадьбы“ (копия, фото) и худ. С. В. Ивановым в работе „Бунт в деревне“ (копия, фото). „В нашей революции, — указывает В. И. Ленин, говоря о революции 1905 г., — меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и поме-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 63.

щичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала „ходателей“, — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!¹

Именно революция 1905 г. вскрыла глубочайшую связь кричащих противоречий творчества Толстого с противоречивостью крестьянского движения в развитии революционной борьбы масс. Об этом говорят слова В. И. Ленина, помещенные в центре стенда: „Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России“². „Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротавление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании“³.

В экспозицию включен живописный портрет Толстого, написанный польским художником Яном Стыкой в 1910 году. До 1955 года портрет находился в Париже, в одном из частных собраний.

В своем глубоко противоречивом отношении к развернувшимся революционным событиям Толстой отразил и освободительные стремления крестьянства и его политическую слабость.

Толстой встретил революцию как явление не-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 184.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 185.

избежное и давно им ожидаемое. „События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью,— писал он В. В. Стасову 30 ноября 1905 г.— Быть недовольным тем, что творится, все равно что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают“¹.

Но, сочувствуя революции как проявлению стихийного и справедливого протеста крестьянских масс против невыносимых условий их существования, Толстой в то же время был против вооруженного восстания. „Я во всей этой революции,— заявлял он,— состою в звании добро- и самовольно принятого на себя адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую. На всякие же насилия и убийства, с какой бы стороны не происходили, смотрю с омерзением“².

31 июля 1905 г. Толстой пишет в своем дневнике: „Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилем, а пассивно, неповиновением“³. Соответственно этому наивному и реакционному убеждению он продолжал в дни ожесточенных революционных боев проповедовать непротивление злу насилем и призывал борющиеся между собой классы к примирению и слиянию в новой нравственной религии всепрощающей любви каждого ко всем и всех к каждому.— „Не противься

¹ Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка, „Прибой“, 1929, стр. 386.

² Там же, стр. 378.

³ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 55, стр. 156.

Л. Н. Толстой. *Портрет работы Яна Стыки. 1910 г. Масло.*

злу насиллием“,— с гневом писал по этому поводу А. М. Горький.— Я не знаю в истории русской момента более тяжелого, чем этот, и не знаю лозунга, более обидного для человека, уже заявившего о своей способности к сопротивлению злу, к бою за свою цель“¹.

Но, несмотря на все свое непонимание того, что освобождение масс от эксплуатации может быть завоевано ими только с оружием в руках, Толстой по-своему сознавал всемирно-историческое, освободительное значение революционных событий 1905 г.

„... Я твердо уверен,— писал он,— что эта революция будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция“. (6 июля 1905 г.)²

После поражения революции, в годы реакции и жесточайшего правительственного террора, когда „царский министр Столыпин покрыл виселицами страну“³, Толстой с гневом и возмущением протестует против кровавых репрессий. В 1908 г. он публикует свой знаменитый, облетевший весь мир памфлет „Не могу молчать“, в котором выступает против жестокой политики царизма.

Одно из последних публицистических произведений Толстого — очерковый цикл „Три дня в деревне“ (1909 — 1910 гг.) — представляет собой замечательное по силе обличения, глубоко правдивое изображение бедствий и страданий русской деревни.

Революция 1905 г. явилась завершением истори-

¹ М. Горький, Статьи, 1905—1916 гг., „Парус“, 1918, стр. 35.

² Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, М.—Л. Academia, 1955, стр. 683.

³ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 94.

ческой эпохи, гениально отраженной в творчестве Толстого, обусловившей кричащие противоречия этого творчества. Революция 1905 г. не разрешила стоявших перед ней исторических задач, но она привела в движение широчайшие народные массы и нанесла, по выражению Ленина, смертельный удар их политической рыхлости и дряблости. Революция 1905 года открыла собой эпоху подготовки великой пролетарской революции в нашей стране, вызвала национально-освободительное движение в странах Азии.

„1905-й г., — говорит В. И. Ленин, — был началом конца „восточной“ неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени“¹.

**В. И. Ленин
о Толстом**

Гениальное истолкование творчества великого писателя дал вождь пролетарской революции В. И. Ленин, посвятивший Толстому семь статей.

В экспозиции помещено фотовоспроизведение 35-го номера нелегальной социал-демократической газеты „Пролетарий“ от 11/24 сентября 1908 г., в котором была напечатана первая статья В. И. Ленина о Толстом — „Лев Толстой, как зеркало русской революции“. В этой статье В. И. Ленин разоблачил клевету, возводимую на Толстого либеральными и казенными писаками, пытавшимися

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 31 — 32.

оторвать великого писателя от народа, от освободительного движения масс, поставить его на службу реакции. В. И. Ленин разоблачил ложь и лицемерие „кадетских балалайкиных“, их попытку примазаться к популярному имени Толстого с целью приумножить на нем свой „политический капитал“.

Оценив творческую деятельность Толстого с точки зрения характера и движущих сил русской революции, В. И. Ленин показал истинное величие писателя, как гениального художника, отразившего целую эпоху русской жизни, как выразителя освободительных чаяний многомиллионного русского крестьянства, как беспощадного обличителя капитализма и всех форм социального угнетения, выработанных классовым обществом, и в то же время раскрыл реакционность религиозно-нравственного учения Толстого.

Гениальная характеристика Толстого, как „зеркала русской революции“, была всесторонне развита В. И. Лениным в его последующих работах о Толстом.

В статьях „Л. Н. Толстой“, „Л. Н. Толстой и современное рабочее движение“, „Толстой и пролетарская борьба“, написанных в 1910 г., и в статье 1911 г. „Л. Н. Толстой и его эпоха“ В. И. Ленин дал глубокое историческое объяснение сложной идейной эволюции и мирового значения великого писателя, выразил отношение революционного пролетариата к его наследию.

В статье „Не начало ли поворота“ (1910 г.) В. И. Ленин выразил отношение социал-демократической фракции Государственной Думы к массовым антиправительственным демонстрациям, вызванным в Петербурге и других городах известием о смерти Толстого.

В статье „Герои „оговорочки“ (1910 г.) В. И. Ленин разоблачил двурушничество оппортунистической критики, пытавшейся замолчать кричащие противоречия Толстого и возвеличить его революционное религиозно-нравственное учение.

В экспозиции, в специальных витринах, представлены различные издания статей Ленина о Толстом, факсимиле статьи „Лев Толстой, как зеркало русской революции“ и факсимиле письма Владимира Ильича к матери, М. А. Ульяновой, от 19 января 1911 г. с упоминанием о Толстом.

Толстой и его
современники
(Стенд направо
от окна)

В творчестве Толстого получили свое ярчайшее художественное выражение демократические традиции национальной русской культуры. Ее крупнейшие представители преклонялись перед художественным гением Толстого, многие из них лично общались с великим писателем и посещали его в Ясной Поляне.

Неоднократно бывавший в Ясной Поляне И. С. Тургенев в предсмертном письме к Толстому назвал его своим другом и „великим писателем Русской земли“.

В октябре 1900 г. Ясную Поляну посетил А. М. Горький. Тогда же была сделана и представленная в экспозиции фотография, на которой он снят вместе с Толстым. Получив эту фотографию, Горький писал: „... видеть себя на фотографии рядом с Львом русской литературы, — мне невыразимо радостно“¹. „Смотришь на него, — сообщал Горький А. П. Чехову, — и ужасно приятно чувствовать себя тоже чело-

¹ Письмо А. М. Горького к С. А. Толстой от 11 ноября 1900 г.

веком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым¹.

В августе 1895 г. приезжал к Толстому в Ясную Поляну А. П. Чехов. „Когда в литературе есть Толстой,— писал Чехов в 1900 г.,— то легко и приятно быть литератором... его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются“².

В. Г. Короленко называл Толстого „титаном современного человечества“. „Легендарные титаны,— говорил В. Г. Короленко,— громоздили горы на горы. Толстой наяву двигал такими горами человеческого чувства, какие не под силу царям и завоевателям“³.

Крупнейший русский критик-демократ В. В. Стасов, многократно бывавший в Ясной Поляне, утверждал, что Толстой — это „не только величайший русский писатель всего нашего XIX века“, но и „величайший писатель всей Европы с времен Шекспира“.

Аналогичные мысли высказывал о Толстом и П. И. Чайковский: „Я убежден,— говорил композитор,— что величайший из всех когда-либо и где-либо бывших писателей-художников есть Л. Н. Толстой. Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним высчитывают все великое, что дала человечеству Европа“.

¹ М. Горький, *Материалы и исследования*. М.—Л., 1936, стр. 189.

² А. П. Чехов, *Полн. собр. соч. и писем*. М., т. XVIII, 1949, стр. 313.

³ В. Г. Короленко, *Собр. соч.*, изд. „Правда“, М., 1953, т. 5, стр. 119.

Для многих и многих крупнейших деятелей русского реалистического искусства и русской науки Толстой был непререкаемым художественным авторитетом, вдохновляющим примером творческого служения народу и Родине.

Уход и смерть
Толстого
(Стежид иналево
от двери)

Глубочайшие исторические противоречия творческой мысли Толстого завели его под конец жизни в тягостный тупик личных противоречий.

Отрицая путь революционной борьбы и проповедуя необходимость личного нравственного противодействия мерзостям и несправедливостям буржуазно-помещичьего строя, Толстой чем дальше, тем больше тяготился барским образом жизни своей семьи при все возрастающих народных бедствиях и страданиях. „Все больше и больше,— писал он 10 июня 1907 г.,— почти физически страдаю от неравенства: богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни“¹.

Из года в год растет у Толстого стремление отказаться или, как он говорил, „освободиться“ от собственности и прожить остаток своих дней так, как живет простой, трудовой народ. И в ночь на 28 октября 1910 г. Толстой ушел из дома, в котором провел большую часть своей долгой жизни.

Ранним утром 28 октября 1910 г. Толстой покинул Ясную Поляну. Его сопровождал домашний врач Д. П. Маковицкий. Через девять дней после этого Толстого не стало. Он умер 7(20) ноября 1910 г., в 6 часов пять минут утра, на станции Астапово (теперь станция Лев Толстой).

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юб. изд., т. 55, стр. 39.

9(22) ноября гроб с телом Толстого был привезен на станцию Козлова Засека (ныне Ясная Поляна). До четырех тысяч людей собралось около маленькой железнодорожной станции, чтобы проводить в последний путь великого писателя земли русской. Десятки тысяч людей не попали в этот день в Ясную Поляну, потому что поезда не могли их вместить. Среди собравшихся была „делегация“ и от царского правительства — взвод конных жандармов. Они должны были наблюдать за тем, чтобы похороны Толстого не вылились в открытую антиправительственную демонстрацию.

Гроб с телом Толстого в сопровождении всех собравшихся был пронесен на руках от станции к усадьбе. Впереди траурной процессии яснополянские крестьяне несли стяг с надписью: „Лев Николаевич, память о твоем добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны“.

В сумерки пасмурного ноябрьского дня тело Толстого, согласно воле покойного, было предано земле в примыкающем к усадьбе лесу — Старом Заказе. Толстой завещал похоронить себя без церковных обрядов, как можно проще, в самом дешевом гробу. Могила писателя и по сей день сохраняется в виде простого зеленого холма.

Помещенные на специальном постаменте маска Толстого (бронза) и слепок его правой руки (гипс) сняты с покойного скульптором С. Меркуровым.

Смерть Толстого всколыхнула и потрясла весь мир. В России она вызвала волну рабочих и студенческих демонстраций, которые В. И. Ленин в статьях „Не начало ли поворота?“ и „Начало демонстраций“ расценил как свидетельство нового революционного подъема.

Посмертные маска и слепок руки Л. Н. Толстого,
снятые С. Меркуровым. *Бронза. Гипс.*

Чувство глубокой скорби об утрате одного из величайших сынов русского народа, охватившее трудящиеся массы России и всего мира, было выражено в телеграмме, посланной в Астапово социал-демократической фракцией Государственной Думы: „Социал-демократическая фракция Государственной Думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых“.

В. И. Ленин откликнулся на смерть Толстого большой статьей под названием „Л. Н. Толстой“. Подводя в этой работе итог всему творчеству великого и подлинно народного писателя-реалиста, В. И. Ленин писал: „Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции“¹.

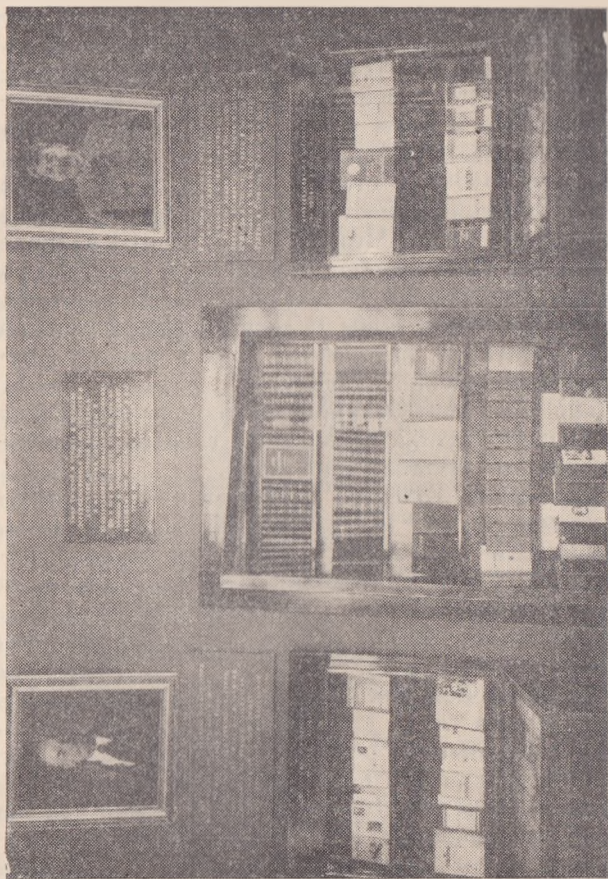
Наследие
Толстого в СССР.
Мировое значе-
ние Толстого
(Стенды напро-
тив окна)

В той же статье В. И. Ленин писал: „Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат“².

Иллюстрацией к этим словам являются сотни

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

² Там же, стр. 297.

Экспозиция раздела "Наследие Толстого в СССР".

различных изданий произведений Толстого на русском языке, на языках народов нашего многонационального Союза, а также на иностранных языках. Большая стена занята шкафом и витринами с этими изданиями. Почти все они, за единичными исключениями, вышли в годы Советской власти. И это подтверждает великую правду слов В. И. Ленина, сказанных в 1910 г. в статье на смерть Толстого: „Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот“¹.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция превратила гениальные творения Толстого в подлинно народное достояние.

Произведения Толстого печатаются у нас миллионными тиражами. По данным Книжной палаты, приведенным в экспозиции, общий тираж всех изданных в СССР произведений Толстого достиг к 1 января 1955 года свыше 62 миллионов экземпляров. Эта колоссальная цифра охватывает 1.419 изданий, вышедших на 75 языках.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным издание полного, научно обработанного Собрания сочинений Л. Н. Толстого. Оно рассчитано примерно на 95 томов.

Охватывая мысленно бессмертные художественные ценности, заключенные в этих многочисленных томах, созданные и завещанные человечеству одним

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

из лучших его представителей Львом Толстым, невольно вспоминаешь слова А. М. Горького: „Книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением...“¹

Всенародным достоянием стала после Октябрьской революции и Ясная Поляна — эта, по словам С. А. Толстой, „колыбель и могила“ великого писателя, это дорогое всем советским людям и всему прогрессивному человечеству место, откуда несколько десятков лет „звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все“ и рассказавший нам „о русской жизни, почти столько же, как вся остальная наша литература“².

Но именно то, чем дорога Ясная Поляна народу, делало ее ненавистной царскому правительству. Прощение вдовы писателя С. А. Толстой о передаче Ясной Поляны в целях ее сохранения в руки государства было отклонено собственноручной резолюцией Николая II: „Нахожу покупку имения графа Толстого правительством недопустимую“.

Советская власть с первых же дней своего существования объявила Ясную Поляну неприкосновенной культурно-исторической ценностью и в годы революции и гражданской войны сделала все необходимое для того, чтобы сохранить ее для нашего народа и всего человечества.

Посетители Литературного музея могут ознакомиться с историческим постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1921 г. за подписью М. И. Калинина. Этим постановлением усадьба Ясная

¹ А. М. Горький, История русской литературы, М., ГИХЛ, 1939, стр. 295.

² Там же.

Поляна со всеми своими зданиями и постройками, земельными, лесными и водными угодьями была навечно превращена в неприкосновенный государственный Музей-заповедник.

Ясную Поляну знает весь мир. Десятки тысяч советских людей ежегодно посещают Музей-усадьбу Л. Н. Толстого. Сюда приезжают и представители стран народной демократии и других зарубежных государств.

Наряду с Ясной Поляной ценнейшим мемориально-историческим памятником является также дом Толстого в Москве (улица Льва Толстого, 20), превращенный в музей по подписанному В. И. Лениным декрету Совнаркома от 6 октября 1920 г.

Фотокопия декрета и фото Дома-музея представлены в экспозиции вместе с фото музея в Астапове и Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

Музей в Астапове носит мемориальный характер. Он создан в тех комнатах станционного здания, в которых Толстой провел последние дни и часы своей жизни.

Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве (улица Кропоткина, 11) представляет собой научный центр изучения и пропаганды наследия Толстого. В музее собрано огромное количество рукописных, печатных, иконографических и иллюстративных материалов, связанных с жизнью и творчеством великого писателя, с его семейным и общественно-литературным окружением.

Толстой завершил собой период критического реализма в истории русской литературы. Лучшие традиции литературы этого периода — высокую идей-

ность, патриотизм, гуманизм, верность жизненной правде — восприняло и продолжает самое передовое в мире советское искусство — искусство социалистического реализма, основоположником которого явился современник Толстого, великий пролетарский писатель А. М. Горький.

„По силе своего влияния на русскую литературу, — говорит В. М. Молотов, — Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время“¹.

Национальное величие и мировое значение русской классической литературы, со всей силой проявившиеся в творчестве ее крупнейших представителей, ярко охарактеризованы М. И. Калининым: „Русская литература много сделала для развития человеческой мысли и занимает в ней почетное место. Пушкин, Толстой, Горький — это огромные художники, великие писатели мира и вместе с тем они действительно русские писатели, отразившие свою эпоху и черты русского народа“².

Преемственность советской литературы от наследия великих русских писателей охарактеризована в экспозиции словами А. Фадеева: „Пушкин, Некрасов, Толстой и, конечно, Горький, — вот предшественники советской литературы“³.

¹ В. М. Молотов, Памяти А. М. Горького. Речь на похоронах А. М. Горького 20 июня 1936 г. — В кн. В. М. Молотов, Статьи и речи, 1935—1936. М., Партиздат, 1937, стр. 237—240.

² М. И. Калинин, О литературе. Сборник статей и высказываний. Лениздат, 1949, стр. 75.

³ Из доклада на XI Пленуме правления Союза советских писателей СССР 28 июня 1947 г.

Советские писатели учатся у Толстого высокому художественному мастерству, черпают в его гениальных произведениях вдохновляющие примеры высокого общественного служения искусства.

„Лев Толстой — это академия для каждого писателя. Это обязательно и это очень трудно“, — говорил один из старейших и крупнейших советских писателей А. Н. Толстой¹.

А. С. Серафимович считал Льва Николаевича „единственным непревзойденным по гениальности писателем“². „Толстой как учитель прекрасного, — говорит Б. Лавренев, — в литературе непревзойден“³.

Д. А. Фурманов в своем писательском дневнике свидетельствует: „Не выпускаю из мыслей факта: „Войну и мир“ Лев Толстой переписывал восемь раз... Это бодрит, заставляет самого относиться (к работе) внимательней и терпеливей“⁴.

Огражая освободительные чаяния широчайших народных масс эпохи подготовки первой русской революции, творчество Толстого явилось шагом вперед в художественном развитии всего человечества.

О мировом значении Толстого, о том, чем он был и остается для прогрессивных писателей зарубежных стран, говорят их высказывания, представленные в экспозиции. „Никогда еще подобный голос не звучал в Европе...“, — писал о Толстом Ромэн

¹ „Красная панорама“, 1928, № 36, стр. 23.

² А. С. Серафимович, Исследования, воспоминания, материалы, письма. М.—Л., изд. Ак. наук, СССР, 1950, стр. 340.

³ „Красная панорама“, 1928, № 36, стр. 23.

⁴ Д. Фурманов, Собр. соч. в 3-х тт., ГИХЛ, 1936, т. 3, стр. 346.

Роллан. — Нам было слишком мало восхищаться творчеством Толстого: мы жили им, оно было наше. Наше — своей жгучей жизненностью, своей юностью сердца¹. „Я продолжал суровую критику Толстого, — свидетельствует Р. Роллан, — направленную против общества и искусства привилегированных“².

„Величайшим гением человечества“ называет Толстого борец за мир и демократию датский писатель Мартин Андерсен Нексе³.

О пристальном изучении Толстого, о живом интересе к нему свидетельствуют слова национального героя чехословацкого народа, писателя-коммуниста Юлиуса Фучика: „Прав Толстой: в труде, только в труде заключается подлинное счастье“⁴.

Немецкая писательница Анна Зегерс от лица своего поколения свидетельствует о том революционизирующем значении, которое имело творчество Толстого за рубежом: „Толстой, как никто другой, внушал молодежи его эпохи сомнение в прочности существующего порядка“.

„Его значение, как обличителя, как художественного истолкователя действительности, не уменьшается и остается столь же важным и действенным, каким оно было при его жизни“, — говорит о Толстом один из виднейших писателей демократической Болгарии, член Всемирного Совета Мира Людмил Стоянов.

Великий гуманист, глубокий наблюдатель и стра-

¹ Р. Роллан, Собр. соч., т. XIV, стр. 204.

² Р. Роллан, На защиту нового мира. Л., 1939, стр. 99.

³ Запись в книге посетителей Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве.

⁴ Из школьного сочинения.

ственный критик капиталистического насилия, Толстой помогает советским писателям и прогрессивным писателям зарубежных стран в их борьбе за мир и демократию.

В дни Великой Отечественной войны И. В. Сталин назвал Толстого в числе величайших представителей великой русской нации. „И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, — говорил И. В. Сталин о фашистских захватчиках, — имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..“¹

9 сентября 1953 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Толстого. Эту знаменательную дату отмечало все прогрессивное человечество. Чествование памяти великого русского писателя приняло в нашей стране всенародный характер.

Великий художник слова, бесстрашный обличитель капиталистического насилия и империалистического разбоя, друг трудящихся и угнетенных, Лев Николаевич Толстой живет и вечно будет жить в сердцах советских людей, в сердцах всех людей доброй воли.

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, изд. 5-е, стр. 30.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступ л е н и е	5
Зал I. Вводный	7
Зал II. Толстой в дореформенную эпоху (50-е гг.)	20
Зал III. Толстой после реформы (60-е гг.) . . .	57
Зал IV. Толстой в 70—80-е гг.	99
Зал V. Обличительное творчество Толстого 90— 900-х годов	126
Зал VI. Заключительный	169

Автор *Купреянова Елизавета Николаевна*

Название „Литературный музей“
Очерк-путеводитель по Музею-усадьбе
Л. Н. Толстого Ясная Поляна

Общая редакция
кандидата филологических наук
А. И. Поповкина.

Редактор *Л. М. Дубровская.*
Художник *Ю. В. Ворогушин.*
Техн. редактор *Л. И. Пулин.*
Корректор *И. В. Воронцова.*

Сдано в набор 25 февраля 1954 года.
Подписано к печати 2 апреля 1955 года.
Бумага 70 x 104/32. Объем 8,1 печ. л.
Уч.-изд. л. 8. Тираж 10,000 экз. ЦП00605
Тульское книжное издательство —
Тула, ул. Коммунарв, 42. Заказ 1769.
Цена 4 руб.

Типография изд-ва газ. „Коммунар“.
Тула, ул. Коммунарв, 42.